

Александр Ушаков

операция
«ПРЕСТОЛ»

Александр Ушаков

Операция «Престол»

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ушаков А.

Операция «Престол» / А. Ушаков — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-788199-4

В основу книги положены реальные события Великой Отечественной войны. Летом 1941 года Судоплатов, возглавивший диверсионный отдел в центральном аппарате НКВД, начал операцию, которая и поныне считается высшим пилотажем тайной борьбы. Она длилась практически всю войну и на разных этапах называлась «Монастырь», «Курьеры», «Послушники» и «Березино». Ее замысел первоначально состоял в том, чтобы довести до немецкого разведцентра целенаправленную информацию о якобы существующей в Москве антисоветской религиозно-монархической организации. Надо было любой ценой заставить поверить немцев в нее как в реальную силу, пятую колонну в советском тылу, и, наладив с противником от ее имени постоянную связь, проникнуть в разведсеть гитлеровцев в Советском Союзе. С этой целью известного оппозиционного поэта Садовского решили использовать в роли руководителя легендируемой организации «Престол». Чтобы «помочь» ему, в игру включили секретного сотрудника Лубянки Александра Демьянова, имевшего оперативный псевдоним Гейне. Опытный агент с такими данными быстро завоевал доверие монархиста-стихотворца Садовского. Демьянов-Гейне перешел линию фронта и, сдавшись немцам, заявил, что он - представитель антисоветского подполья. Выдержка Демьянова, уверенное поведение, правдоподобность легенды заставили немецких контрразведчиков поверить в правдивость его слов. После трех недель обучения азам шпионского дела Демьянов был выброшен в советский тыл. Дабы упрочить положение Демьянова в германской разведке и его устроили на военную службу офицером связи при начальнике Генерального штаба. Глава абвера адмирал Канарис считал своей огромной удачей, что удалось заполучить «источник информации» в столь высоких сферах. В нашей книге мы расскажем о первой части многоходовой операции советских спецслужб «Монастырь». Читатель найдет в нашем

романе интересные рассказы о русской эмиграции в Харбине и Европе и ее самых ярких представителях, о Российской фашистской партии и работе абвера, об операциях Главного разведывательного управления и советской контрразведки, о жизни криминального сообщества и начале «сучьей» войны в Гулаге, о Судоплатове и его окружении.

ISBN 978-1-38-788199-4

© Ушаков А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
I	6
II	9
III	13
Часть I	19
Глава I	19
Глава II	24
Глава III	32
Глава IV	37
Глава V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Ушаков

Операция «Престол»

Пролог

I

Стоявшие недалеко от камина большие напольные часы мягко пробили восемь раз.

Ганс Пикенброк отложил книгу, поднялся из глубокого кресла и, с наслаждением потянувшись, подошел к окну.

За окном темнел сад.

Термометр за окном показывал девять градусов мороза.

В темном воздухе кружились большие снежинки.

Пикенброк достал из кармана халата желтой кожи портсигар с инкрустацией и вынул из него сигарету.

Прикурив, он глубоко затянулся, чувствуя, как слегка кружится голова, затем выпустил огромное облако дыма.

На душе у него было не спокойно. Еще днем его шефа, адмирала Канариса, вызвали к фюреру, и до сих пор от него не было никаких известий.

Пикенброк никогда не ждал от срочных вызовов к начальству ничего хорошего. И чем выше это начальство сидело, тем печальнее все эти вызовы оказывались.

А тут сам фюрер!

Пикенброк начал свою службу в абвере еще при капитане 2-го ранга Конраде Патциге в 1932 году.

В один прекрасный январский день 1935 года капитан имел неосторожность выступить в конфликт с Гиммлером по поводу разведывательных полётов над польской территорией.

Затем он срочно был вызван к фюреру и... новым руководителем Абвера стал капитан 1-го ранга Вильгельм Канарис.

Пикенброк хорошо относился к Патцигу, который всегда ценил его, но, как профессионал, полковник должен был признать, что тот не шел ни в какое сравнение с Канарисом.

И дело было даже не в том, что Канарис имел большой опыт разведывательной работы.

Опыт дело наживное!

Он имел то, что было недоступно Патцигу: размах!

И именно по этой причине абвер времен Патцига и времени Канариса разнились между собой так, как рознилась зима в Берлине с зимой под Москвой.

До Канариса Абвер представлял собой небольшую, не имевшую никакого политического веса организацию, выполнявшую узкие задачи армейской спецслужбы.

При Канарисе Абвер вырос в количественном отношении, расширил свои функции, стал влиять на политику Германии и конкурировать с другими спецслужбами Третьего Рейха – СД и Гестапо.

Более того, в 1936 году Канарис добился подписания соглашения о разграничении полномочий Абвера, СД и Гестапо, известного как «Договор десяти заповедей».

СД отвечало за политическую разведку в Германии и за её пределами.

Расследование государственных, политических, уголовных дел, а также проведение следственных действий и арестов возлагалось на Гестапо.

В компетенции Абвера оставались задачи военной разведки и контрразведки.

Однако не всё было так гладко, как об этом говорилось в Договоре.

Империя СС Гимmlера быстро росла, усиливалась и конкуренция со стороны СД и Гестапо, и уже в конце 1936 года в здании Абвера обнаружили микрофоны, установленные техниками СД.

После громкого скандала и вмешательства самого фюрера микрофоны убрали, а вот подозрительность друг к другу у спецслужб осталась.

Не редко к этой подозрительности примешивалась откровенная вражда и ревность.

Полковник еще раз глубоко затянулся.

На душе было беспокойно, поскольку в канцелярию к Гитлеру шефа могла привести очередная разборка между спецслужбами.

И если у Канариса будут неприятности, то они коснутся и его, начальника 1-го отдела управления разведки и контрразведки и заместителя начальника Абвера.

Он еще раз затянулся, затем подошел к пепельнице и загасил окуроч.

И в этот самый момент услышал шум подъехавших к даче машин.

Он поспешил на крыльцо и на его ступеньках столкнулся с Канарисом, как всегда бесстрастным и холодным.

Они вошли в дом, Канарис разделся и прошел в теплую и светлую комнату.

– Что-нибудь выпьете, Вильгельм?

– Да, кофе и рюмку коньяка!

Пикенброк взял со стола сербьереяный колокольчик. Через мгновение в комнате появился слуга.

– Коньяк, кофе и пироженых! – приказал полковник.

Слуга поклонился и так же бесшумно исчез.

Когда стол был накрыт, Канарис сделал два небольших глотка и с видом знатока покачал головоой:

– Хороший у вас кофе, Ийоган!

– Бразильский...

Канарис поставил чашку на стол и взглянул на подчиненного.

– Какое сегодня число? – спросил он.

– 18 декабря 1940 года, – ответил Пикенброк, несколько удивленный странным вопросом шефа.

Канарис встал из-за стола и подошел к окну.

– Да, – произнес он, глядя в сад, – все как всегда. А между тем, – повернулся он к полковнику, – этот день войдет в мировую историю, поскольку именно сегодня, 18 декабря 1940 года, фюрер подписал план нападения на Россию! План предусматривает молниеносный разгром основных сил Красной армии западнее рек Днепр и Западная Двина. Затем захват Москвы, Ленинграда и Донбасса с последующим выходом на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Предполагаемая продолжительность основных боевых действий 4–5 месяцев...

Канарис вернулся к столу и отхлебнул кофе.

– Снова блицкриг, – без особого энтузиазма произнес не очень-то удивленный услышанным Пикенброк.

– Да, снова! – кивнул Канарис. – Но будем надеяться, что на этот раз более успешный...

Конечно, Пикенброк мог бы многое сказать по этому поводу.

Он много раз бывал в России, хорошо знал ее и даже не сомневался в том, что с одного удара русского медведя не уложить.

Но промолчал.

Да и что он мог сказать?

Решение было принято, он был солдатом, и ему оставалось только подчиняться приказам.

Да что там Пикенброк!

Сам Канарис уже тогда был уверен в том, что Германия не сможет выиграть войну, так легкомысленно начатую Гитлером.

Другое дело, что его вера была основана на убежденности в том, что в мире существует божественный порядок, который не дано изменить никаким фюрерам.

Но обсуждать сейчас, когда был подписан план нападения на Россию, эту щекотливую тему было бессмысленно.

И, цenia деликатность своего подчиненного, Канарис сказал:

– Спасибо, Иоганн... Как вы понимаете, – заговорил он совсем другим тоном, в котором уже не было искренности, – Москву и Ленинград будут брать Манштейн и фон Бок, а у нас с вами другие задачи...

Пикенброк понимал.

Да, у них были другие задачи, и он, ведущий специалист рейха по разведывательным операциям и созданию пятых колонн за гарницей знал это лучше других.

В тот исторический, и одновременно трагический, как считал Канарис, для Германии день, день они проговорили до часа ночи.

Но и после того, как Канарис уехал, Пикенброк еще долго сидел в кресле и задумчиво курил.

Что там говорить, работы был непочатый край, и начинать этот самый край надо было уже сегодня.

Но даже он, один из асов абвера, не мог даже предположить, что в эту самую минуту передавалась в Москву шифровка о совещании у Гитлера...

На следующий день отправил свою шифровку в Москву и Пикенброк.

Через несколько часов один из сотрудников германского посольства сказал всего несколько фраз случайно попавшемуся ему на пути человеку, однако тот в лучших традициях конспирации прошел мимо, сделав вид, что ничего не заметил.

II

Через два дня после описанных выше событий Иосиф Сталин сидел в своем кабинете в Кремле и читал «Государя» своего любимого Макиавелли.

Но сегодня знаменитый флорентийский мыслитель вызывал у лучшего друга всех философов раздражение.

Да, он, конечно же, был прав, когда утверждал, войны нельзя избежать, а можно лишь оттянуть ее.

Конечно, промедление тоже не может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

Не согласен же лучший друг всех философов был с утверждением Макиавелли о том, что сторона, оттягивающая войну, играет на руку противнику.

Разве он играл на Германию, подписав с ней пакт Молотова-Риббентропа?

Играл, конечно, но только в известной степени. Но в куда большей степени он играл на себя, выигрывая время.

Пройдет еще год-два, он создаст мощную армию, вооружит ее самой современной техникой и тогда...

А что, собственно, будет тогда, Сталин не конкретизировал.

Ему не хотелось думать о том, что немцы тоже не будут сидеть эти два года, сложив руки, что за два года надо воспитать несколько сотен тысяч командиров всех уровней, взамен уничтоженным им, что непосредственная граница с Германией позволяет вермахту всего через несколько минут после начала войны оказаться на советской территории.

Сложно сказать, понимал ли сам Сталин, что он никогда не был ни хорошим тактиком, ни, тем более, стратегом.

И именно поэтому будущее всегда оставалось для него непонятным и туманным.

Нет, не будущее какого-то там Тухачевского, обреченного на заклятие, (с этим-то как раз все было ясно), а будущее того, что принято называть ходом истории.

Именно поэтому он не любил вспоминать семнадцатый год и все то, что было с ним связано.

Ведь именно тогда, на самом крутом повороте российской истории до апрельской конференции он все делал против Ленина.

И не надо было оправдываться тем, что он пошел тогда на поводу у Каменева.

Нет!

Он и сам тогда думал точно так же, как и его тогда еще старший друг.

Ленин выступал против войны, а они с Каменевым со страниц «Правды» призывали к ее продолжению.

Ленин был против любого компромисса с любыми партиями, а он, Сталин, ходил к меньшевикам договариваться о сотрудничестве.

Да и не верил он, говоря откровенно, ни в какой переворот. И только недавно до него дошло, что дело было не вере, а в том, что пока был хоть какой-то, пусть даже самый мизерный шанс, надо было цепляться за него.

Как цеплялся за него Ленин.

Да, Старик и сам мало верил в успех, иначе не приказал бы ему готовить конспиративные квартиры и коридор для ухода за границу в случае провала переворота.

Тем не менее, он пошел на него и насильно повел за собой всю партию...

Раскрывшая в кабинет дверь заставила Сталина оторваться от воспоминаний.

В дверях появился начальник Разведывательного управления Генерального штаба генерал Голиков с двумя черными папками в руках.

– Разрешите, товарищ Сталин! – застыл на пороге генерал.

Сталин кивнул и против своего желания задержал взгляд на папках, которые держал Голиков. И он, наверное, очень бы удивился, если бы узнал, что в них содержатся противоположные взгляды на одни и те же вопросы.

Все дело было в том, что с некоторых пор Голиков имел обыкновение ходить на доклады к Сталину с двумя папками.

Если настроение у вождя было не очень пасмурное (хорошим оно почти никогда не было), Голиков доставал донесения из папки, где собиралась более или менее правдивая информация.

Если же Голиков от секретарей узнавал, что «хозяин» не в духе, то выкладывал сведения из другой – «благополучной» папки.

Со временем он станет ходить на доклад к Сталину только с одной папкой, поскольку прикажет своим сотрудникам собирать только такую информацию, которая совпадала с мнением вождя.

Сегодня Сталин не выглядел хмурым, да и Поскребышев ободрительно улыбнулся ему в ответ на его вопросительный взгляд.

Да и вопрос, с которым пришел сегодня Голиков к Сталину был слишком важным.

И кто знает, как поведет себя Сталин, если узнает о том, что ему не доложили о том, что происходило в ставке Гитлера 18 декабря.

Кивком головы Сталин пригласил генерала войти, однако сесть не предложил, и тот так и остался стоять посередине кабинета.

– Что у вас, товарищ Голиков? – спросил Сталин.

Голиков прекрасно знал об отношении Сталина к донесениям разведчиков и думал только об одном: как бы ему выйти из этого кабинета одному, а не в сопровождении конвоя.

Но докладывать было надо.

Голиков не стал доставать из папки бумаги, поскольку прекрасно знал все то, что говорилось в этих документах.

Но чем убедительнее говорил Голиков, тем мрачнее становилось выражение побитого оспой желтоватого лица Сталина.

И причины у него для этого были.

Подумать только!

Он убеждал весь мир в том, что никакой войны не может быть, а эти вечные конспираторы и заговорщики чуть ли не каждый день доказывали обратное.

То очередной резидент, то высокопоставленный дипломат, а то просто какой-то там антифашист наперебой сообщали о датах, часах и даже минутах начала войны.

И сейчас Сталин даже не сомневался в том, что в черной папке начальника разведки лежат очередные послания всех этих нелегалов с их истерическими призывами развертывать на границе войска и готовиться к войне.

А причина его неверия была проста, как выведенное яйцо. И дело было даже не в тех зачастую действительно расхोдившихся данных, за которыми могла стоять дезинформация не дремавшей немецкой разведки.

Отнюдь!

Все дело было в том, что Сталин со своим огромным самомнением уверовал в то, что он обманул Гитлера и тот отнесется к пакту о ненападении со всей ответственностью.

Как ни странно, но Гитлеру поверил тот самый Сталин, который никогда никому не верил.

И это, несмотря на то, что донесения, которые Сталин получал из Генерального штаба, от пограничников и моряков, от военной и политической разведки, из дипломатических источников и даже из германского посольства в Москве были очень тревожны.

Однако и в Кремле, в Наркомате обороны царило относительное спокойствие.

Сталин был уверен в том, что Германия не будет вести войну на двух фронтах, у него имелись на этот счет заверения от самого Гитлера.

К тому же разведчики уже много раз ошибались, передавая в Москву не только не точную, но и заведомо ложную информацию, поскольку все немецкие службы дезинформации работали перед войной на полную мощность.

Ну и само собой понятно, что мнение товарища Сталина никто даже не решался оспаривать.

Голиков закончил свой доклад, даже не дойдя до середины.

Сталин остановил генерала жестом руки и хмуро спросил:

– А вы сами-то верите всему этому? – брезгливо указал он зажатой в руке холодной трубкой на так и не раскрытую папку.

– Товарищ Сталин, – осторожно подбирая слова, ответил генерал, – я не могу сказать, что я всецело доверяю сообщениям наших агентов, но в то же самое время наше Разведывательное управление считает своим долгом донести до вашего сведения всю получаемую нами информацию...

– Спасибо! – недобро усмехнулся Сталин. – Донесли! Из всего сказанного здесь вами мне не понятно только одно, – слегка повысил он голос, – как вы, профессионалы, не можете понять такой простой вещи, что почти за каждой фразой этих донесений скрывается дезинформация!

Голиков молчал.

Он уже начинал понимать, что ошибся с папкой и любое невпадение сказанное им слово может кончиться для него трагически.

Тем временем Сталин медленно, как и все, что он делал, раскурил трубку и, глубоко затянувшись, выпустил огромное облако душистого синего дыма.

– Если вы, товарищ Голиков, – донесся до генерала негромкий и от этого еще более зловеющий голос Сталина, – не понимаете этого, то мы можем подыскать на ваше место более понятливого человека...

Голиков вздрогнул.

Это была уже прямая угроза, а, как ему было хорошо известно, слов на ветер вождь никогда не бросал.

Облизав сразу же ставшие сухими губы, он развел руками.

– Товарищ Сталин, – с некоторой поспешностью заговорил он, словно опасаясь того, что ему не дадут высказаться, – мы достаточно трезво оцениваем ситуацию и, поверьте, все наше беспокойство вызвано только тревогой, которую все мы испытываем за нашу великую страну. И мы заверяем вас, что всегда будет проводить линию нашей родной партии, разработанную под вашим мудрым руководством и...

Сталин продолжал, молча, курить, и по его лицу не было заметно, сменил ли он гнев на милость.

В эту минуту он не думал ни о вере в него всего Разведывательного управления, ни лично товарища Голикова.

Ему было скучно.

Он уже много раз ловил себя на том, что его давно уже перестали радовать любые дифирамбы в его адрес.

Особенно если они шли от тех, кто вращался в самых верхах.

Массы?

Да, там другое дело, и когда наивные и по-своему верившие в него как в Бога люди выражали свое неподдельное восхищение к нему, он слушал их с той снисходительностью, с какой утомленный знаниями профессор слушает студента.

А эти! Высокопоставленные...

Им он никогда не верил.

Более того, он прекрасно понимал, что Голиков сейчас старается не защитить порученное ему дело, а угодить ему.

И прояви он сейчас интерес ко всему тому, что находилась в черной папке генерала, он услышал бы совсем другие речи.

Тем временем Голиков умолк и смотрел на вождя с таким выражением на лице, словно испрашивал у него прощение за то, что осмелился не поверить его гению и иметь свои собственные суждения.

– Ладно, – махнул рукой Сталин, – это я так, к слову. Идите, товарищ Голиков, работайте и впредь думайте, ведь это ваше главное оружие. Не так ли? – неожиданно сверкнул Сталин желтыми, как у кота, глазами.

– Так точно, товарищ Сталин! – вытянулся Голиков, с облегчением понимая, что на этот раз гроза прошла мимо.

Сталин, не прощаясь, сел за стол и снова принялся за «Государя».

Голиков щелкнул каблуками, повернулся и чуть ли не строевым шагом вышел из кабинета.

Сталин с какой-то безгловостью смотрел ему в спину. И этот такой же, как все. Чуть надавили, и он уже готов и каяться, и верить ему, и не верить себе...

Он усмехнулся.

В последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что ему очень хочется услышать возражения и поспорить.

Так, как когда-то спорил Ленин, который хоть и не терпел инакомыслящих, но рот никому не затыкал.

Сталин вздохнул.

Может быть, в этом и была его сила, может быть, именно поэтому немногие оставшиеся его стараниями в живых из ленинской гвардии с такой тоской и вспоминал те счастливые для них дни, когда каждый мог пройти против вождя и не получить за это пулю...

Да, Каменев, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Раскольников пытались спорить.

Чем все это кончилось?

Правильно!

Иных уж нет, а те далече...

III

Голиков приехал в свое ведомство в мрачном настроении.

Отложив все совещания и встречи, он закрылся в своем кабинете и без малейшего перерыва выпил два стакана водки.

Усевшись в кресло, он закурил и с удовлетворением чувствовал, как вместе с разливавшимся по всему телу теплом уходит почти суточное напряжение.

А нервничать он начал сразу же, когда ему еще вчера утром сообщили, что на следующий день его примет Сталин.

Ничего хорошего от встречи с вождем он не ждал, прекрасно зная о той неприязни, с какой Сталин воспринимал любую информацию, которая шла вразрез с его собственным пониманием сложившейся ситуации.

Так оно и вышло, и ему надо благодарить Бога за то, что дальше угрозы Сталин не пошел. Пока не пошел...

И ему очень повезло, поскольку он так и не заговорил со Сталиным о полученной сегодня ночью шифровке о совещании у Гитлера.

Не поговорил он и том, о чем давно бы уже следовало поговорить с вождем.

Организационная структура Разведуправления, как убедился Голиков сразу же после своего прихода в это ведомство, давно устарела. Что же касается работы в условиях военного времени, то оно совершенно не соответствовало этому самому времени.

Материальная база военной разведки находилась в самом, что ни на есть, плачевном состоянии. У нее не было даже самолетов для заброски разведчиков в тыл противника.

Отсутствовали в нем и столь необходимые на войне отделы войсковой и диверсионной разведки.

Не было должного отношения к Управлению со стороны руководства Генштаба.

Да что там говорить, пронесло!

Сталин показал бы ему самолеты в тыл противника!

Конечно, в глубине души Голиков прекрасно понимал, что он просто трусил и даже не попытался защитить то дело, которое ему было поручено тем же Сталиным.

Но что он мог?

Спорить и доказывать?

Да, можно было!

Но только с тем, кто хотел спорить и слышать доказательства.

Сталин не хотел.

Да и чего бы он добился?

Отставки?

Это в лучшем случае.

Ладно, поморщился Голиков.

Хватит копаться в себе.

Что сделано, то сделано.

Он работает с тем, с кем работает, значит, впредь надо быть умнее и гибче. А бодаться с дубом... себе дороже...

А пока... ему надо как следует расслабиться.

Благо, что два проверенных товарища у него для этого мероприятия были.

Генерал взял телефонную трубку и приказал офицеру для поручений вызвать к нему начальника Отдела специальных заданий генерала Москвина и его заместителя полковника Громова.

Когда вызванные Голиковым офицеры появились в его кабинете, они не задали своему начальнику ни единого вопроса.

Да и зачем?

По хмурому лицу Голикова было видно, чем закончился его поход к Сталину.

Голиков жестом руки указал офицерам на свободные стулья, затем достал из тумбочки стола початую бутлку коньяка, три рюмки и тарелку с тонко нарезанным лимоном и шоколадными конфетами.

Он быстро разлили коньяк и, кивнув сидевшим напротив него офицерам, быстро выпил коньяк.

По губам известного своими эстетическими взглядами полковника Громов пробежала улыбка.

Голиков дождался, пока тот слегка пригубил коньяк, и сказал:

– Да, Сергей Николаевич, ты прав, сейчас не до смакования!

– Что, – поднял тот густые брови, – все так плохо, Филипп Иванович?

Голиков только махнул рукой.

В его кабинете не было прослушки, и тем не менее он не хотел обсуждать решения вождя даже с самыми проверенными людьми.

– Нам приказано, – почти дословно передал он приказ-пожелание Сталина, – работать, думать и не поддаваться на провокации...

С этими словам он налил себе еще коньяка и также залпом выпил его.

На этот раз Громов не улыбался.

Да и какие еще могли быть улыбки, когда все задуманное им и Москвиным и одобренное Голиковым летело к черту.

А задумано было много.

Громов прекрасно знал о том, что происходило в немецком Генеральном штабе, и несколько не сомневался в том, что война начнется уже очень скоро.

Конечно, он никогда об этом никому не говорил, но, будучи классным аналитиком, никогда не верил в хитрость Сталина, ни в миролюбие Гитлера.

Более того, он с каждым днем все более убеждался, что Сталин и его окружение жили в каком-то иллюзорном мире, оторванном ими же самими от реальности.

Они не желали даже слушать об истинной обстановке, если та противоречила собственным представлениям о том, или ином вопросе вождя.

Не испытывал он никакого почтения и к назначенному в июле 1940 года заместителем Начальника Генерального штаба РККА и начальником Главного разведывательного управления РККА Голикову.

Обладея практически всей информацией об агрессивных планах фашистского вермахта, Голиков сознательно передавал Сталину, который верил, что в ближайшие полгода Гитлер не нападет на СССР, разведывательные сводки с пометкой «дезинформация».

Бывший армейский командир и дилетант в разведке, он начал свою деятельность в разведке с того, что обрушился на кадровых работников.

Он упрекал их в том, что они слишком долго сидели за границей и обростали многочисленными связями с иностранцами.

Ему весьма тактично намекнули на то, что это и есть главнейшее условие глубины и надежности информации.

Однако тот только махнул рукой.

– Бросьте мне сказки рассказывать, – резко произнес он. – Настоящего большевика на мякине не проведешь!

И сейчас «настоящий большевик» был по сути дела единственным человеком в ГРУ, который искренне верил в «дружеские намерения Германии», а заключенный с ней пакт считал «продуктом диалектического гения товарища Сталина».

Именно с его подачи была разработана «баранья» теория, согласно которой Германия не рискнет напасть на СССР, не имея на складах миллионы бараньих полушубков.

Однако цены на шерсть в Европе не росли, и начальник ГРУ, несмотря на наличие проверенной информации о скором нападении Германии на СССР, продолжал нести на стол вождя утешительные сведения о том, что «подготовка германских армий на восточной границе есть маскировка перед высадкой фашистских войск в Англии».

Убежденный сталинист не мог даже и предположить, что в начале войны Сталин будет так испуган неожиданным поворотом событий, что начнет лихорадочно искать перемирия с фашистами на любых условиях.

Он прикажет Берии наладить контакт с Гитлером и предложит тому Прибалтику, Украину, Бессарабию, Буковину, Белоруссию и Карелию.

Отец всех народов будет готов отдать в рабство полстраны, лишь бы уцелел он сам и его режим.

Однако самонадеянный фюрер лишь презрительно поморщиться.

Да и зачем ему будет нужно это перемирие, если он и так возьмет это все в ближайшие месяцы?

Но когда страх пройдет и надо будет найти виновников катастрофы, Сталин расстреляет Павлова и обвинит во всех грехах разведку и, в первую очередь, военную.

В отличие от очень многих генералов, Голиков уцелеет и с началом войны во главе советской военной миссии отправится в Лондон и Вашингтон с заданием заключить соглашение с Великобританией и США о военном сотрудничестве.

После возвращения он будет командовать 10-й армией, участвовавшей в обороне Москвы.

Но все это будет потом, а пока Громов прекрасно знал о том, что его шеф подавал руководству только ту информацию, которая отвечала мнению И.В. Сталина.

Осуждал ли он его за это?

Нет, скорее понимал.

Громов часто думал о том, как бы повел он сам, будь он на месте Голикова.

И не находил ответа.

Ну, пошел бы он резать правду-матку, а что дальше?

А дальше получил бы на всю катушку.

В чем-в чем, а в этом он не сомневался.

Его посадили бы как провокатора и паникера.

А на его место пришел бы тот же Голиков, только и всего...

Да, он хорошо знал о том, что Германия не была готова к войне на все сто процентов, но он не сомневался и в том, что Гитлер не будет дожидаться того дня, когда Красная армия перевооружится и залечит нанесенные ее командованию Сталиным кровавые раны.

Не сомневался он и в том, что кадры для работы за линией фронта и в возможном тылу надо готовить уже сейчас, когда в их распоряжении еще имелось хоть какое-то время.

Но судя по словам Голикова, их этой возможности лишали.

Они посидели еще минут тридцать, пока не допили весь коньяк.

Беседа не клеилась.

Голиков был слишком подавлен тяжелым разговором со Сталиным, а откровенно говорить он боялся.

Да и какой в этом был толк?

Ни Москвин, ни Громов, ни он сам не могли повлечь на сложившуюся ситуацию.

– Так что будем делать, Филипп Иванович? – спросил Москвин, когда Голиков разрешил подчиненных быть свободными.

– Работать и думать! – с неожиданной резкостью ответил Голиков.

Понимая, что неофициальная часть кончилась, офицеры щелкнули каблуками и повернулись.

Не успели они дойти до двери, как Голиков, прекрасно понимавший, с какими чувствами покидали его кабинет сотрудники, сказал:

– Я думаю, что товарищ Сталин, как всегда прав...

Офицеры повернулись, и Москвин ответил:

– А мы никогда в этом, Филипп Иванович, и не сомневались!

Голиков кивнул и, оставшись один, снова потянулся к бутылке.

Вполне возможно, что в этот момент он подумал о том, что отныне на доклад к вождю надо ходить только с одной папкой.

Когда офицеры вышли из Управления, Москвин предложил:

– Давай пройдемся!

– С удовольствием, – кивнул Громов.

Москвин приказал шоферу его машины следовать за ними в пяти метрах и закурил.

Метров двадцать они шли молча.

Москвин сосредоточенно курил, а Громов, прекрасно догадываясь, о чем пойдет речь, ждал начало беседы.

Они давно работали вместе и научились понимать друг друга без слов.

Громов отвечал в отделе Москвина за работу с эмиграцией.

И работы у него все эти годы хватало.

Более того, в последние месяцы ее стало намного больше.

Русские эмигранты были рассеяны по всему миру, но сосредоточения основной их массы было два – Европа и Дальний Восток.

Костяк собственно белой эмиграции в Европе составили участники новороссийской, крымской и дальневосточной эвакуаций, которых насчитывалось около полумиллиона человек.

Это были и солдаты белых армий, и беженцы.

Вместе с 700 тысяч русских, которые оказались за рубежами России по тем или иным причинам, и тех, кто бежал и нее уже при советской власти, за границей проживало около полутора миллионов эмигрантов.

Среди них были не только русские, но и армяне, грузины, украинцы, белоруссы и представители других национальностей.

Собственно русских эмигрантов в 1922 году насчитывалось 863 тысячи.

Тех, кто бежал уже из СССР, нельзя было назвать белыми, поскольку они мало интересовались политикой и бежали от террора и ужасов советской экономики.

Через польскую границу уходили солдаты Махно и «зеленых» «батьков», украинские националисты.

Главный центр эмигрантской жизни был сначала в Берлине, потом в Париже.

Другими центрами были Белград, Варшава, Прага, Рига, София, Харбин и Шанхай.

В поисках работы и хлеба эмигранты все чаще уезжали за океан в США, Канаду, Парагвай, Бразилию, Аргентину, Австралию.

Те, кто выехал за океан или шел на государственную службу, обычно принимали иностранное подданство.

Зарубежная Русь состояла по большей части из культурных слоев русского общества.

Рождаемость была низкой, старшее поколение быстро освобождало молодежь от забот о себе.

В культурном отношении эмиграция была сказочно богата.

«Философские пароход», на котором по прихоти Ленина был выслан за рубеж цвет российской культуры и мысли, был способен осчастливить как задыхавшуюся от бездуховности Европу, так и Америку.

Всего было выслано 225 неугодных советской власти интеллектуалов.

Основную массу изгнанников составляли философы, именно поэтому пароход, увозивший их в Европу, получил название «философского».

Хотя на самом деле было два парохода.

Было среди них и немало тех, кто имел мировую известность.

Бердяев, Франк, Ильин, Шестов, Лосский, Набоков, Бунин, Пригожин, Сикорский, Северский, Шаляпин, Рахманинов, Стравинский, Павлова, Баланчин, Вернадский...

Такое созвездие могло осчастливить всю Европу.

Вместе с ними отправлялись в изгнание «выброшенные с территории РСФСР», а именно такой была формулировка официального сообщения для печати, крупнейшие экономисты, врачи, агрономы, инженеры, психологи, юристы и писатели России.

Но эти люди были не только изгнаны, каждый из них оставил в своем «деле» обязательство никогда не возвращаться на территорию РСФСР, в противном случае их ожидал расстрел без суда.

Громов знал о том, что Ленин производил отбор в тот момент, когда Крупская занималась с ним простейшими задачами для семилетнего ребёнка, которые вождь, судя по сохранившимся тетрадкам, не мог решить сам: умножение двузначных чисел на однозначные.

И ничего кроме боли и стыда за свою страну не испытывал.

Конечно, изгнанники не собирались сидеть, сложа руки, и создавали русские культурные научные общества, в том числе «Русские академические группы».

В двадцатых годах возникло несколько русских высших учебных заведений, и в том числе Богословский институт в Париже и Политехнический в Харбине.

Русские гимназии были в Китае, Латвии, Чехословакии, Югославии.

Важную роль играла Церковь.

Храм служил не только домом молитвы, но и опорой общественной жизни.

Некоторые белые офицеры приняли священство, в церковную жизнь уходили подчас и бывшие революционеры.

Но политический спектр эмиграции был так широк, от меньшевиков до черносотенцев, что далеко не все признавали эти «центры эмиграции».

Очень скоро черносотенцы сошлись с близкими им деятелями в Германии, искавшими «специалистов по еврейскому вопросу».

Левые круги эмиграции полагали, что конец советской власти придет в результате ее «эволюции».

Правые продолжали надеяться на «весенний поход», то есть на иностранную интервенцию.

И теперь, когда этот «весенний поход» был не за горами, наиболее реакционно настроенные эмигранты мечтали о скорой победе над большевиками и создании новой, а вернее, о восстановлении с помощью немцев монархической России.

И, конечно, они, как на Западе, так и на Востоке, готовились не только словом, но и делом помогать немцам.

В отличие от благодушно настроенного Голикова и его хозяина на Западе прекрасно понимали, что война предрешена, и готовились к ней.

В меру своих возможностей готовились к ней и Москвин с Громовым.

Беда была только в том, что эти самые возможности у них были весьма ограниченными.

Они не могли заявить о том, что не верят ни в какие договоры с Германией, а потому работали с оглядкой на официальную линию.

И это было не так сложно, поскольку санкционировавший их работу Голиков практически ничего в ней не понимал.

– И что ты скажешь по этому поводу? – нарушил, наконец, затянувшееся молчание генерал.

– Только то, – ответил Громов, – что нам надо работать и думать...

Москвин поморщился.

Он ожидал от старого приятеля совсем другого ответа.

– Да подожди ты хмуриться! – рассмеялся Громов. – Конечно, нам надо выполнять приказ, но я предлагаю работать и думать точно так же, как мы работали и думали до этого дня...

Москвин облегченно вздохнул. Вот теперь он услышал то, что и хотел услышать.

Конечно, это было рискованно. Но вся их работа была чаще всего сплошным риском.

Да и что значила их личная неудача по сравнению с той страшной и огромной бедой, которая уже очень скоро должна была обрушиться на их страну?

Об успехе задуманной ими грандиозной игры говорить было рано, да и бессмысленно, поскольку она зависела от стечения или нестечения огромного количества самых разнообразных обстоятельств, от которых всегда зависит любая, даже самая незначительная, на первый взгляд, операция.

Но играть, несмотря ни на что, было надо.

Пусть даже на свой страх и риск.

Москвин остановился и протянул приятелю руку:

– Спасибо, Сергей... Завтра же запускай колесо... Тебя подвезти?

– Нет, спасибо, – махнул рукой Громов, – я хочу прогуляться!

– Тогда до завтра! – еще раз пожал приятелю руку Москвин и уселся в подъехавшую машину.

Машина медленно тронулась и вскоре исчезла за поворотом.

Громов долго смотрел ей след.

Да что там говорить, ему повезло с начальником.

И дело было даже не в том, что Москвин был один из самых выдающихся разведчиков, не раз смотревший смерти в лицо, а настоящий мужик.

Куда важнее было то, что он был одним из тех, которые не только не ломались, но и не гнулись.

Все правильно, подумал полковник, вспоминая Льва Толстого: Делай, что должно, и будь, что будет...

Ровно в одиннадцать часов утра следующего дня в купе скорого поезда «Москва – Астрахань» вошел скромно одетый даже по тем глухим временам молодой человек с серым парусиновым портфелем в руках.

Если бы кому-нибудь пришло в голову проверить у него документы, такой любопытный узнал бы, что зовут этого человека Сергей Владимирович Никитин, что он является сотрудником Министерства рыбной промышленности и отбывает в службную командировку.

Но если бы молодого человека обыскали, как следует, то у него нашли бы и удостоверение капитана Разведывательного управления при Генеральном штабе Виктора Семеновича Долгова.

Так неприметно и буднично начиналась одна из самых знаменитых операций советских спецслужб, значение которой трудно переоценить даже сегодня...

Часть I

По тонкому льду

Глава I

Как только изрядно выпивший Николай растянулся на кровати и уснул, Марина уселась за туалетный столик и долго смотрела на свое отражение.

Да, что там говорить, хороша!

Тонкие брови, темно-синий омут глаз и роскошные льняного цвета волосы, спадавшие на ее роскошные плечи самым настоящим водопадом, – все это производило впечатление.

А кожа? Настоящий шелк, и не единой морщинки.

Марина нисколько не льстила себе.

Да и зачем?

Она слишком хорошо знала, как неотразимо действовала на мужчин. Причем, любого возраста. И не случайно именно она становилась центром внимания мужской части в любой компании.

Одни, опасаясь ревности жен, наблюдали за ней исподтишка, а другие, посмелей, не сводили с нее изумленных взглядов.

Как это ни казалось странным самой Марине, но в этих взорах почти никогда не было ни похоти, ни вызова, скорее это были восхищенные взоры ценителей красоты, встретивших очередное чудо природы.

Но хватало и таких любителей красоты, кто буквально раздевал ее загоревшимся взглядом, не в силах скрыть страстное желание обладать этой, словно явившейся из другого мира, женщиной.

Только вот от желания до его удовлетворения для многих была дистанция огромного размера. Даже не дистанция, а самая настоящая непроходимая пропасть.

А все дело было в том, что насколько Марина была красива, настолько она была и прагматична. И участь ткачихи и домашней работницы у какого-нибудь инженера средней руки никогда не прельщала ее.

Ни тогда, когда еще в средней школе один из учителей чуть не сошел с ума от избытка своих чувств и неудовлетворенной страсти.

К двадцати пяти годам у нее было несколько связей, но все они кончились очень быстро, поскольку ее сожители не могли удовлетворить и десятой доли ее запросов.

Даже тот, из Министерства внешней торговли, севший за растраченные на свою любовницу довольно большие деньги.

Вот тогда-то Марина и решила для себя, что доступ к ее телу, о душе уже давно не шло и речи, получит только твердо стоявший на земле счастливец.

Само собой понятно, что «твердо стоявший на ногах» в ее лексиконе означало очень обеспеченный.

Такой быстро нашелся.

Им стал Николай Алексеевич Дугин, всемогущий заместитель начальника оперативно-чекистского отдела Управления лагерей по Астраханской области.

Он положил на нее глаз на торжественном вечере в Центральном клубе НКВД в Москве.

После чего попросил ее приехать в Астрахань. С женой он решил вопрос чисто в чекистском стиле.

Он не стал ей ничего объяснять, а просто приказал уехать на свою историческую родину в Вологодской области.

Ухаживать за престарелой матерью, как он объяснил отъезд жены. Справедливости ради надо заметить, что «престарелой матери» тогда было всего сорок пять лет.

Конечно, жена пыталась возражать, однако сжигаемый страстью супруг обещал пустить ее на корм рыбам в протекавшей метрах в пятидесяти от их роскошного двухэтажного дома Волге.

Нина, как звали жену чекиста, слишком хорошо знала, на что способен ее муж, и отправилась к «старушке». Судя по всему, навсегда.

Марина знала мужчин и то, какую страсть она вызывает у них, но и она была удивлена той даже уже не страстью, а самой настоящей яростью, с какой Николай накинулся на нее в ту минуту, когда она появилась в его доме.

В эти, чего там скрывать, вобщем-то сладкие мгновения, он напоминал собой путника, шедшего без воды несколько дней по раскаленной пустыне и, наконец, дорвавшегося до воды.

Прильнув к источнику, он пил и никак не мог напиться, а, напившись, снова тянулся к воде.

Да, на этот раз Марина вытащила счастливый билет, подполковник Дугин твердо стоял на ногах и очень скоро должен был занять кресло своего непосредственного начальника, которого он очень умело спаивал.

По сути дела, именно он, а не полковник Сарыгин, вершил все дела в Астраханской области, в которой было не много не мало, а целых семь лагерей.

Однако Марину радовала отнюдь не власть ее сожителя над зеками и начальниками отрядов и зон, а то, что он был по-настоящему богатым человеком и буквально осыпал ее дорогими подарками.

Все было бы хорошо, если бы не одно «но», которое не давало Марине покоя.

Узнав Дугина поближе, она не могла не понимать того, что никаких гарантий у нее не было, и Николай в лубую минуту мог также спокойно расстаться с нею, как он расстался с женой.

Что же касается любви, то никакой любви она к нему не испытывала, поскольку это был, если называть вещи своими именами, самый обыкновенный самодур.

Грубый и малообразованный.

В то время как сама Марина обладала тонкой художественной натурой, унаследованной от отца-историка и матери-пианистки.

Она была начитана, хорошо знала историю России и Европы и прекрасно играла на пианино и гитаре.

Все ее беды начались после того, как отца приписали к какой-то контрреволюционной организации и сослали на Север, где он вскоре умер от заражения крови.

Мать выгнали с работы, и она, промучавшись несколько лет на случайные заработки, утонула в Финском заливе. И Марина сильно подозревала, что она свела счеты со ставшей для нее невыносимой жизнью.

А когда Марина как-то спросила ее, почему она, еще молодая и красивая, не выходит больше замуж, мать посмотрела на нее так, что Марина никогда больше не заговаривала на эту тему.

Только потом, когда матери не стало, она поняла, что «гранатовые браслеты» бывают не только в литературе.

И в том, что она из тонкой и художественно очень одаренной натуры превратилась в расчетливую и далекую от романтики женщину, отчасти была виновата и та жизнь, в которой ей приходилось не жить, а выживать.

И когда она встретила Алексея, она не устояла.

Конечно, это был не простой уголовник.

Алексей Анненков был из дворян, о чем говорили его фамилия и кличка Граф.

Он был красив, прекрасно образован и крепок здоровьем. Оно, конечно, генетика, как утверждал академик от науки Лысенко, возможно, и была продажной девкой империализма, однако порода есть порода!

Алексей не шел ни в какое сравнение с всесильным чекистом, которого красило только его кресло, и очень скоро Марина по-настоящему увлеклась им.

Она познакомилась с ним на репетиции концерта, посвященного какой-то там годовщине большевистской победы.

Он прекрасно пел, а она очень хорошо играла на рояле.

Очень скоро они, что называется, спелись, и с того самого дня, когда Марина впервые отдалась ему, она использовала каждый удобный момент, чтобы видаться с ним.

Хотя это было не так просто. Николай не так часто уезжал в командировки, а постоянно вызывать Анненкова на хозяйственные работы по дому она не могла.

Увидев во второй раз кряду в своем доме красивого и умного мужчину, Николай даже не стал бы ничего выяснять. Но уже через неделю ее любовника просто-напросто выловили бы из той самой Волги, в которой он обещал утопить свою законную жену.

И все-таки они виделись. Чаще всего в том самом театре, где их свела лагерная судьба.

На счастье Марины, подготовленный ею и Анненковым концерт настолько понравился высоким гостям из Москвы, что начальник Управления генерал Кетов приказал и впредь готовить не только концерты, но и спектакли.

Эти спектакли на самом деле нравились, и очень скоро импровизированный тетар стал разъезжать по близлежащим городам. И как поговаривали, осенью они должны были выступать в Москве.

Весь вопрос заключался для Марины только в том, дотянет ли она до осени.

И все дело было в этой свалившейся ей как снег на голову сестре начальника производственного отдела, приехавшей погостить к брату.

В чем-в чем, а в этом Марина не ошибалась. Она видела сегодня, как Николай смотрел на эту самую Тамару и как он танцевал с ней.

Это ведь все только делали вид, что не замечают того, как он тесно прижимал ее к себе и как туманился его взгляд.

Она видела.

Конечно, Тамара чисто по-женски уступала ей, но то, что она была очень хороша, Марина не могла не понимать.

И теперь она даже не сомневалась в том, что привыкший к вседозволенности и не знавший отказа Николай не отступится от Тамары.

Не обманывалась она и насчет его срочной командировки в Ростов.

Марина хорошо знала, что не будет никакого Ростова и Николай уедет с этой Тамарой на один из островов, где у их управления были специальные дома отдыха.

Хорошо, если это только минутное увлечение.

А если нет?

И если ей завтра предложат отбыть на историческую родину, как это предложили ее предшественнице?

Что тогда?

А вот тогда она потеряет многое. И что самое главное, она уедет из Астрахани такой же бедной, какой и приехала в нее.

Да, красота, конечно, страшная сила, но еще большей силой были деньги. Особенно среди той нищеты, какую представляла собою страна в 1940 году.

Когда четыре года назад была отменена карточная система, многие тогда надеялись на лучшее. Но стало намного хуже, продуктов не хватало, и огромная страна откровенно голодала.

Специальности у Марины не было, а работа на фабрике или заводе не могла ейниться даже в самом страшном сне.

Но и просто так сдаваться на милость победителя Марина не собиралась.

И надо отдать ей должное, она была не только красивая и безнравственная, но и решительная, и в борьбе за свое благополучие она была готова на все.

Ладно, наконец, решила она, вставая из-за стола, завтра будет день, будет и пища.

Как ни несло от громко храпевшего Николая перегаром, Марина, преодолев отвращение, легла все же с ним.

Но, как выяснилось утром, зря. Николай даже не подумал прикоснуться к ней.

И потому как он торопился, холодно поцеловал ее и буркнул: «Буду через три дня», Марина поняла, что ее дела совсем плохи.

И, уж конечно, она совсем не удивилась тому, что Тамара срочно поехала «погостить» к каким-то там так удивительно вовремя появившимся родственникам.

Справедливости ради, раздумывала она над тем, что ей делать, недолго.

Ровно в четыре часа вечера Марина отправилась в театр, где проходила репетиция «На дне», в котором она играла Варвару, а Анненков Пепла.

Что там говорить, Марина умела владеть собой, и даже Арсений не смог догадаться того, что творилось в ее душе.

Когда репетиция была закончена и они на какое-то время сошались одни, Арсений по привычке попытался обнять ее.

К его удивлению, она выскользнула из его рук.

– Надо поговорить, – сказала она и быстро и четко и четко изложила план, который должен был спасти ее.

Несколько удивленный услышанным Алексей молчал.

– Что скажешь? – спросила Марина.

– Сейчас ничего, – после небольшой паузы произнес Анненков. – Сама понимаешь, что один я такое дело не подниму...

– Хорошо! – кивнула Марина. – Иди и помни, что у нас всего три дня...

Вечером в столовой Анненков, проходя мимо Василия Хромова, негромко сказал:

– Есть дело!

Василий кивнул.

– Приходи после отбоя...

Конечно, обращаясь к Хрому, который был одним из самых авторитетных воров зоны, где отбывал свой срок Аннеков, Арсений сильно рисковал.

Да, он сидел за мошенничество, и статья у него была довольно престижная, но все же он не шел ни в какое сравнение с самим Хромом и его урками.

Что там говорить, народ у него подобрался отчаянный и способный на все. И при особом желании они могли без особого риска его просто кинуть.

Но другого выхода у него не было.

Один он был неспособен проверить предложенное ему Мариной дело.

Другое дело, что Хром, насколько за два года пребывания на зоне мог убедиться Аннеков, был не только авторитетный, но и довольно справедливый вор.

Из «правильных», как называли таких в уголовной среде.

Он был из Москвы и относился к своему земляку, если и не с уважением, то с явной симпатией.

– Что у тебя? – с улыбкой спросил он, когда минут через двадцать после отбоя, когда измученные непосильным трудом зеки спали без задних ног, Анненков пришел к нему в угол.

Но уже очень скоро улыбка сбежала с его лица, и он с все возрастающим вниманием слушал Алексея.

И чем больше тот говорил, тем больше убеждался в том, что заинтересовал Хрома.

– Что скажешь? – спросил Анненков, закончив свое повествование.

– Скажу, что интересно! – усмехнулся Хромов.

– И только?

– Нет, не только, – покачал головой тот. – Все, Граф, иди спать, завтра договорим!

– Только учти, – произнес Анненков, – через неделю я освобождаюсь...

– Учту!

Анненков кивнул и отправился на свои нары. Потому как загорелись глаза у Хрома, он не сомневался в том, что дело выгорит.

И оно, действительно, выгорело.

Все прошло как по маслу, а еще через семь дней, Анненков распрощался с Хромом и вышел на волю.

Вздыхнув полной грудью, он зашагал по направлению к вокзалу, откуда через три часа уходил поезд на Москву.

Глава II

Коля Цыган удивлялся сам себе.

Обычно, удовлетворив страсть, он моментально охладевал к своей партнерше.

А тут...

Он с каким-то неведомым ему до сих пор исступлением целовал ее ласковое тело с атласной кожей, от которого так призывно исходил едва заметный аромат неведомых ему тонких духов.

Вдоволь натешившись, он встал с кровати и накинул рубашку.

Потом подошел к хранившему остатки вчерашней роскоши столу, налил стакан водки и с наслаждением выпил.

Аппетитно похрустев квашеной капустой, он взглянул на свою подругу.

– Ты как?

– Давай! – улыбнулась та.

Цыган налил рюмку водки и отнес Нинон, как звали его маруху, на кровать.

Та с чувством выпила и блаженно закатила глаза.

– Хорошо!

Цыган провел рукой по гладкой груди Нинон и почувствовал, как его снова охватывает непреодолимое желание обладать этой женщиной.

Загорелась и Нинон. Она притянула к себе голову Цыгана и впилась в его губы жгучим поцелуем.

И в тот самый сладкий момент, когда они были уже готовы продолжить любовные утехы, в дверь постучали.

Цыган недовольно выпрямился.

Этот адрес знали только самые близкие к нему люди и без особой нужды беспокоить его не стали бы.

Значит, случилось что-то неординарное. Стук повторился.

Он быстро оделся и, взяв на всякий случай в руку финку, пошел к двери.

– Кто? – негромко спросил он.

– Почтальон! – ответил мужской голос. – Привет из Астрахани принес!

Цыган открыл дверь и увидел незнакомого мужчину в элегантном сером костюме с кожаным портфелем в руках.

– Заходи!

Мужчина вошел в комнату и, увидев на кровати полураздетую женщину, вопросительно взглянул на Цыгана.

– Сейчас! – кивнул тот и подошел к кровати. – Погуляй, Нинон!

Давно привыкшая к конспиративной жизни своего приятеля, женщина не выразила ни малейшего неудовольствия и быстро оделась.

Когда она ушла, Цыган кивнул на стол.

– Как?

– Потом, – ответил мужчина, – сначала дело...

Цыган кивнул и сел на стул.

– Хром кланяться велел, – сказал мужчина.

– Спасибо!

– И прислал подарки, – продолжал мужчина.

Заметив вопросительный взгляд Цыгана, он открыл портфель и вывалил на стол кучу изделий из золота и толстые пачки денег.

– Это он там заработал? – насмешливо спросил Цыган, оценивающе рассматривая драгоценности.

– Можно сказать и так! – охотно согласился мужчина.

Он полез в карман, и Цыган против своей воли напрягся, так как много раз в своей жизни видел, как из этих карманов в подобных ситуациях доставали финки и пистолеты.

Мужчина понимающе улыбнулся и протянул Цыгану небольшой клочок бумаги.

Вор взял бумагу и равернул ее.

На ней рукой Хрома было написано: «Чисто. Хр.»

Цыган кивнул, взял спички и сжег записку.

– Как отзываешься? – с некоторым облегчением в голосе спросил он гостя.

– Граф...

Цыган усмехнулся.

– Громко!

– Как прозвали... – пожал плечами гость.

Цыган был опытным вором и прекрасно видел, что его гость не из блатных и прозвали его, судя по внешности, за приосхождение.

Но хорошо знавший и уважавший воровские законы лишних вопросов задавать не стал.

– Свою долю, – кивнул Алексей на стол, – я взял! Это, – отобрал он несколько изделий, – твое! Здесь, – отделил он от общей кучи часть драгоценностей – доля Хрома, все остальное на общак...

– Хорошо, – сказал Цыган и кивнул на стол. – Ну, что, теперь отметим знакомство?

– Вот теперь, – улыбнулся гость, – с удовольствием!

– Минуту!

Цыган выглянул в коридор и позвал курившую на кухне Нинон.

– Прибери! – коротко приказал он.

Нинон быстро убрала и накрыла на стол.

Цыган разлил водку.

– Давай, Граф, – поднял он свой стакан, – за тех, кто там!

– Давай! – чокнулся с ним Граф.

– Как там? – спросил Цыган, когда они выпили по второй.

– Нормально! – ответил Граф, цепляя на вилку соленый грибок. – Только жарко очень!

– Да, – рассмеялся Цыган, два раза отбывавший срок на севере, – места нам нашли подходящие! Или собачий холод, или адская жара!

Они проговорили еще почти час, и вобщем-то ни о чем.

Граф ни разу не заикнулся о подарках с юга, да и сам Цыган не интересовался их таинственным происхождением.

Хотя ему было интересно.

И в самом деле, за всю его блатную жизнь это была первая подобная посылка из тех самых мест, которые почему-то принято называть не столь отдаленными. Несмотря на то, что этим «неотдаленным» местам относилась Колыма.

Как правило, посылки шли в обратном порядке, не с зоны на волю, а с воли на зону.

Перед тем как расстаться, Цыган спросил:

– Ты сам по себе, или...

– По-всякому, – уклончиво ответил Граф.

– Если что, обращайся! – протянул руку Цыган.

– Обращусь! – крепко пожал ее гость.

Закрыв за ним дверь, Цыган подошел к столу, над которым склонилась восхищенная все увиденным на нем Нинон.

А посмотреть там на самом деле было на что.

Кольца, перстни, серьги, браслеты, кулоны, ожерелья, кресты, цепочки...

Словно капли росы горели в попадавших через окно солнечных лучах вставленные в красивую оправу бриллианты и драгоценные камни.

Цыган восхищенно покачал головой.

Даже он, воровавший всю свою сознательную жизнь, никогда не видел в одном месте такого богатства.

– Да, – протянул он, – тут лимона на полтора будет!

– Боже мой! – воскликнула Нинон, рассматривая небольшие серьги, в которых зеленым огнем блестели изумруды. – Какая прелесть!

– Нравятся? – усмехнулся Цыган.

– Еще как!

– Тогда возьми их себе! – неожиданно для себя вдруг проговорил Цыган.

Женщина изумленно взглянула на него. Она прекрасно разбиралась в воровских понятиях и знала, что все это богатство принадлежит всем.

Говоря откровенно, Цыган был уже и сам не рад врвавшемуся у него «возьми их себе».

Но назад слово взять уже не мог. Ладно, Бог с ними с этими серьгами, в конце концов, он вычтет их из своей доли. Так что проблем с обществом у него не будет...

– Бери, бери! – ласково произнес он.

Дважды повторять подобное приглашение Нинон было не надо. Она быстро сняла свои старые серьги, надела новые и подошла к стоявшему на комод зеркала.

– Вот это да! – восхищенно воскликнула она, едва взглянув на себя.

– Да, – снова улыбнулся он, любясь серьгами, которые удивительным образом шли Нинон, – красиво!

– Ну что, – весело спросил он, когда Нинон, вдоволь налюбовавшись подарком, уселась за стол, – обмоем!

– Конечно!

Минут через десять, Нинон все-таки сняла серьги, как всегда снимала их перед занятием любовью.

А прилично поддатый Цыган, снова и снова ненасытно целуя Нинон, на целых два часа забыл и о Хроме, и о Графе, и о привезенном им подарке...

Забыл о Цыгане и Алексей, которого ждало куда более приятное свидание.

Через час он был на Казанском вокзале, куда в два часа дня должен был прибыть поезд из Астрахани.

У входа в вокзал он купил букет цветов и направился на перрон.

Несмотря на февральский мороз, на перроне было полно встречающих.

До прихода поезда было еще полчаса, и Анненков отправился в буфет.

Впрочем, это он так только назывался «буфет».

Жидкий чай, какое-то подобие кофе и леденцы, – вот и все, чем мог похвастаться полный буфетчик, с тоской наблюдавший за входящими в вокзал.

Ничего удивительного в этом убожестве не было.

В 1940 году, в СССР разразился очередной продовольственный и товарный кризис, и многотысячные очереди стали обыденным явлением по всей стране.

Именно тогда в лексикон советских людей прочно вошло слово «блат», который, если верить появившейся в то время поговорке, «был сильнее Совнаркома».

Анненков поморщился, вспомнив, сколько ему пришлось заплатить за билет до Москвы для Марины. И ему еще повезло, поскольку достать железнодорожный билет в Москву в те времена без специальных документов было практически невозможно.

Естественно, для тех, у кого не было денег. Ну а для тех, у кого они имелись, никаких проблем ни с билетами, ни с продовольствием не возникало.

Ну а коль так, то при желании всегда можно было найти организацию, а в ней человека, готового за определенную мзду помочь с документом, открывающим дорогу в столицу Родины.

Именно такой умелец и помог с билетом для Марины. А все дело было в том, что вкусивший новой любви Дугин даже не стал ничего объяснять Марине.

Все еще пребывая в «командировке», он просто передал ей приказ убираться на все четыре стороны. И Марине, считал Алексей, повезло.

Да и кто мог поручиться за то, что он, под горячую руку, не спустил бы всех собак на нее?

Анненков подошел к стойке, и дородный бефетчик только развел руками, как бы говоря: – Ничего не поделаешь! Вот такой у нас социализм!

Анненков понимающе усмехнулся.

Каждый день газеты сообщали о колоссальных урожаях и несметном количестве товаров на складах, а прилавки в магазинах сияли пустотой.

И даже на рынках молоко продавали сейчас не крынками или бутылками, а стаканчиками, муку – блюдами, а картошку – поштучно.

Понятно, что в этих условиях расцветала дикая спекуляция и не менее жуткий произвол милиционеров, которым приходилось сдерживать многотысячные очереди.

Делалось это очень просто.

Милиция выстраивала очереди за квартал от магазина, а потом отбирала 10 человек и вела «счастливых» под конвоем к магазину.

Надо ли говорить, что за определенное вознаграждение в число «счастливых» попадали не всегда те, кто мужественно ждал своей очереди.

Анненков вышел на перрон, где уже отпыхтел парами подошедший поезд.

Марина ехала в пятом вагоне, и когда Анненков подошел к дверям, она уже стояла на перроне.

И, конечно, Анненков не мог не заметить, как она выделялась среди огромной толпы, заполнившей перрон. Фигурой, волосами, лицом и манерой держать себя.

Да, подумал он, эта женщина могла украсить любое собрание.

Заметив Алексея, Марина улыбнулась и пошла ему навстречу.

– Ну, здравствуй! – радостно улыбнулась она и, обняв его, крепко поцеловала в губы.

– Рад тебя видеть! – искренне ответил Алексей, которому все больше нравилась эта женщина.

И ничего предосудительного в этом не было.

Он был молод, силен и ценил женскую красоту. А Марина понимала в любви толк.

Алексей взял у нее саквояж, и они пошли к выходу с перрона.

Анненков жил в Сокольниках в отдельной квартире.

Едва они оказались наедине, Марина обняла его и покрыла страстными поцелуями.

Алексей почувствовал, как его накрывает огромная теплая волна, которая бросила их на кровать, и он с какой-то поразившей его самой одержимостью овладел Мариной.

– Ну вот, – улыбнулся он, когда Марина вернулась из ванной, – ты и испортила мне торжественную встречу!

– Что ты имеешь в виду? – вопросительно взглянула на него женщина.

– Праздничный ужин и хорошее вино!

– Так еще не поздно, – усмехнулась Марина, – особенно если учесть, что в поезде я почти ничего не ела...

Анненков быстро оделся и вышел на кухню, где у него были приготовлены купленные по баснословной цене у официанта местного ресторана продукты.

Через пять минут стол был накрыт.

Алексей разлил вино по бокалам.

Марина подняла свой бокал и взглянула на Алексея каким-то странным взглядом. Обычно в нем сквозил интерес, чаще желание, но сейчас было нечто такое, что открылось только Марине, и чего не мог понимать Алексей.

Но самым удивительным было как раз то, что так оно и было.

А все дело было в том, что Марина впервые по-настоящему полюбила и смотрела на открывшийся ей совершенно по-новому мир совсем другими глазами.

И в этом новом мире не было уже ни расчета, ни желания устроиться, ни стремления к выгоде.

Более того, та жизнь, которой она жила до этого, со всеми этими дугинами и им подобными, показалась ей мелкой и ничтожной.

И она отдала бы сейчас все принадлежавшие ей побрякушки за то, чтобы навсегда остаться с Алексеем, в котором она интуитивно чувствовала совершенно другую, высшую породу.

Ее совершенно не интересовало, как он дошел до жизни такой, поскольку она хорошо знала, что означает в Советском Союзе иметь статус «бывшего».

Но она точно так же знала и то, что Алексей не способен ни на подлость, ни на предательство, чем бы он не занимался.

– Я хочу выпить, – без всякой патетики произнесла Марина, – за еще живущих на нашей земле настоящих мужчин! За тебя!

– Спасибо! – чокнулся с ней Анненков.

Он залпом выпил водку и почувствовал, как ледяная жидкость, проскользнув вниз, обожгла пищевод и тут же превратилась в приятное тепло.

Он закусил мясистым помидором и принялся за роскошный холодец, обильно поливая его душистым хреном. Женщина смотрела на него.

– Так нельзя, Марина, – улыбнулся Арсений, – кладя себе очередной кусок холодца. – Надо закусывать!

– Не хочу, – покачала головой девушка.

– Почему? – взглянул на нее Алексей.

– Перенервничала, – честно ответила Марина. – Всю дорогу мне казалось, что вот откроется дверь войдет Дугин со своими костоломами...

– Все может быть, Марина, – ответил Аринин, – но что сделано, то сделано, и не надо портить такой чудесный день грустными размышлениями!

Марина кивнула.

Ничего другого она и не ожидала. Этот сильный и уверенный в себе мужчина не станет ныть и жаловаться, даже если ему, как будет совсем плохо.

– Ты прав, Леша, – наполнила она рюмки, – гулять, так гулять!

После второй рюмки Марина обрела аппетит и с удовольствием ела приготовленные Анненковым салаты и мясо.

И все же грусть не покидала ее.

Конечно, Алексей прекрасно понимал состояние женщины и не сыпал соли на рану.

– Леша, – проговорила вдруг Марина таким проникновенным тоном, что Анненков внимательно взглянул на нее, – завтра мы с тобой расстанемся и, наверное, навсегда...

Она с трудом сдержала слезу и, сглотнув ставший в горле ком, продолжала:

– Но я хочу, чтобы ты знал, что я совсем не такая, как ты думаешь...

Аринин хотел что-то сказать, но Марина жестом остановила его.

– Я, – продолжала она, – не буду тебя обманывать и рассказывать красивые сказки о своей жизни с тем же Дугиным. Да, меня, наверное, можно презирать, поскольку никакой любви к этому кабану у меня не было, а был только расчет. Но после встречи с тобой во мне что-то

перевернулось, и я поняла, что нельзя никогда продавать себя и дарить хотя бы один поцелуй без любви...

– Нет на свете ничего лучшего, – воспользовался паузой Алексей, – чем поцелуй. Самое сладкое и тайное, дрожью двух миров исполненное – есть поцелуй. Губы касаются друг друга, прижимаются друг к другу и целуются, целуются, и я счастлив, когда целую. Я чувствую радость дыхания и понимаю, что такое есть жизнь, вижу Небо и Землю, слышу все свое тело и нежное тело другое. Целую ее, кого люблю, а все тело становится певучим и слышащим. Слепнут глаза, а видят ярче. Гаснут мысли, а все мыслью становится...

– Что это? – изумленно спросила Марина.

– Замечательный поэт серебряного века Константин Бальмонт, – улыбнулся Анненков. – Когда-то эти стихи в прозе мне настолько понравились, что я выучил их наизусть.

– Здорово! А ты еще что-нибудь помнишь?

– Да...

– Почитай!

– Тайна любви больше, – снова заговорил Алексей, – чем тайна смерти, а жизнь и смерть становятся равными для того, кто любит. В том сила и ужас Любви. Она ослепляет глаза и меняет души так, что драгоценные предметы становятся ничем, а ничто становится безбрежным царством. Она меняет и людей, которые становятся богами и зверьми и входят в мир нечеловеческий! И в нем души бьются, безумствуют, светятся, горят, плачут, и в первый раз живут, и в первый раз видят, видят все, влюбляясь в тела, как некогда Ангелы влюблялись в дочерей Земли. Нам холодно, мы цепенеет и тонем в зеркальных глубинах. Но мы любим, мы любим, и ради Любви совершим геройство, и ради Любви совершим преступление, ради одной минуты Любви создадим жизнь и растопчем жизнь. В этом Любовь. Любовь ужасна, беспощадна, она чудовищна. Любовь нежна, Любовь воздушна, Любовь неизреченна и необъяснима, и что бы ни говорить о Любви, ее не замкнешь в слова, как не расскажешь музыку и не нарисуешь солнце. Но только одно верно: тайна Любви больше, чем тайна смерти, потому что сердце захочет жить и умереть ради Любви, но не захочет жить без Любви...

Когда Алексей замолчал, Марина долго сидела, не в силах ничего говорить.

Затем поднялась из-за стола и, одарив Аринина одним из тех проникновенных взглядов, от которого сразу загорается кровь, направилась к кровати.

Алексей отнес на кухню пустую бутылку вина и задержался там ровно настолько, столько в его понимании было необходимо Марине для того, чтобы подготовиться к пиршеству плоти. И когда он появился в спальне, Марина уже лежала в широкой кровати, покрытая прозрачным покрывалом.

И в какой уже раз его восхищенному взору представилось одно из самых совершенных женских тел, какие он когда-либо видел.

В следующее мгновение он мягко лег на Марину и впился в ее полураскрытые губы страстным поцелуем.

Марина застонала и ласково провела по его спине руками, снизу вверх, надавливая на какие-то только ей одной известные точки.

Потом откинула покрывало и, высоко подняв ноги, широко развела их в стороны. И измученный давно сжигающим его желанием, Алексей, ощущая во всем теле неизъяснимое блаженство, с какой-то изумившей его самой нежной яростью вошел в нее.

Марина застонала еще сильнее и, извиваясь всем телом, принялась покрывать его губы, глаза и шею жгучими поцелуями.

Затем она ласковыми движениями принялась массировать ему низ живота. И он не успел даже ни о чем попросить Марину, как та уселась на него.

Глядя на ее мелко дрожащие груди, Алексей даже застонал от охватившего его сладостного восторга, чего с ним давно уже не бывало.

На этот раз они не спешили и шли к тому самому сладкому моменту, ради которого и затевались все эти любовные игры около часа.

И когда этот воистину сладкий миг был уже совсем близок, последовал яростный спрут и сменившее его полнейшее расслабление.

Минут десять они пролежали, не двигаясь и не говоря ни слова, все еще находясь под впечатлением только что полученного удовольствия.

Но как не был удовлетворен только что испытанной близостью Аринин, при виде совершенных форм Марины и так соблазнительно покачивающихся ее бедер, когда она, совершенно обнаженная направилась в ванну, его снова с ног до головы окатила теплая волна желания...

Утром Анненков достал из шкафа коробку и открыл ее.

В коробке лежало золото, деньги, новый паспорт для Марины и билет до Ленинграда, откуда Марина была родом.

Она слишком хорошо знала мстительный характер своего коварного сожителя и не сомневалась, что он попытается найти ее.

Марина слишком хорошо знала, как Николай выбивал признания из невиновных, которые после его бесед с ним превращались в японских шпионов и троцкистов.

Да, у него против нее, кроме подозрений, не было, но начини он ее пытаться, она рассказала бы все. Потому и попросила, вручив Алексею свою фотографию, сделать ей новый паспорт.

Более того, сейчас она уже сожалела о содеянном, поскольку даже жизнь под чужим именем не обещала ей желанного спокойствия.

Но что сделано, то сделано. Слишком уж она была обижена на Дугина, вытершего об нее ноги.

– Золото сразу не продавай, – сказал Арсений, когда Марина спрятала коробку в свой саквояж. – Оно может быть в розыске...

– Ладно, – ответила Марина и взглянула Алексею в глаза.

Прекрасно понимая, что от него хочет услышать женщина, тот мягко сказал:

– Я бы оставил тебя у себя, но не время! Кто знает, как пойдут дела и если нас возьмут с тобой у меня на квартире, то в следующий раз в Астрахань ты поедешь за казенный счет. О себе, – невесело усмехнулся он, – я уже не говорю...

Марина понимающе покачала головой.

Своим женским чутьем она чувствовала, что Алексей не лжет и прекрасно понимала, что им надо на время расстаться в интересах их же собственной безопасности.

В эту миунту она была готова отдать все это проклятое золото и все деньги, только бы не уезжать.

Но, увы, это было невозможно, поскольку на самом деле никто не знал, что предпримет Дугин...

А в этот самый момент Николай Алексеевич Дугин громко матерился около своего пустого сейфа, который он прятал в сарае.

Сейф был вскрыт, и все его содержимое исчезло в неизвестном направлении.

А хранилось в нем предостаточно.

Помимо своих прямых обязанностей, Николай Алексеевич занимался и другой, куда более прибыльной деятельностью. Правда, в отличие от первой – подпольной.

Все дело было в том, что вместе с начальником производственного отдела он занимался спекуляцией черной икры, которая потом контрабандой шла в Иран.

Схема была проста, как божий день.

С каждой добытой зеками тонны икры в документах фиксировалось только девятьсот, а остальные сто Дугин с подельником продавал.

Этого хватало за глаза. Экспорт чёрной икры был важным источником получения валюты для индустриализации. Поэтому десятилетие перед Второй мировой войной стало одним из пиков осетрового и икорного промысла.

Только в 1939 году из СССР экспортировали 789 тонн чёрной икры на огромную сумму в 15 миллионов долларов.

Перекупщики расплачивались с ними рублями, доллары в Советском Союзе Дугину были не нужны.

Но он охотно брал и изделия из золота, и драгоценные камни, и старинное серебро.

И вот теперь его, всемогущего заместителя начальника оперативно-чекистского отдела Управления лагерей по Астраханской области, обнесли как последнего фразера!

Да еще где! В его же собственной вотчине!

А он даже не знал, на кого ему думать.

Марина?

Конечно, все может быть, но она никогда не видела этого самого сейфа, который он хранил в погребе.

Да и не знала она ни о какой икре.

Зеки?

Эти могли, если, конечно, знали.

Подельники?

А что?

О его доходах знали в Управлении два человека и вполне могли ограбить его.

Но самым печальным было то, что он не мог дать делу официальный ход. Проще было самому явиться в прокуратуру и заявить на себя.

Что оставалось?

Закусить губы и материться! И, конечно же, воровать!

На том до глубины души оскорбленный и униженный чекист и остановился.

И все же он ошибался.

Знала Марина о пещере Лейхтвейса, ох, как знала. И тому, что в ней хранилось, мог позавидовать и сам знаменитый разбойник Генрих Лейхтвейс, который хранил в своем убежище награбленные сокровища.

О тайнике она узнала случайно, в тот самый день, когда Николай получал от начальника производственного отдела очередную долю за икру, а затем пошел прятать ее в сарай.

Дальше все было делом техники.

Она рассказала о тайнике Алексею, тот Хрому, который достал воровские инструменты, а Анненков вскрыл сейф.

Другое дело, что Марина затеяла всю эту эпопею только с одним желанием: отомстить!

Ни о каком обогащении она не думала.

Да и теперь, когда все было сделано и это золото легло между нею и Алексеем, она многое бы отдала за то, чтобы исправить положение.

Но было уже поздно. Во всяком случае, пока...

Как и было обусловлено, половину добычи Алексей отдал Хрому, а остальное поделил с Мариной.

А еще через неделю Дугин получил новый удар.

Совершенно неожиданно для него, ему было приказано сдать дела и прибыть в Москву. После чего след его затерялся...

Глава III

Поезд из Москвы пришел в Ростов ровно в назначенное время.

Сотни измученных дорогой пассажиров с радостным шумом высыпали на перрон.

Стоял тоскливый февральский вечер.

Погода в этом году не баловала даже этот южный город, было прохладно, и вперемешку со льдом моросил мелкий нудный дождик.

Прячась от дождя, люди раскрывали зонтики, а те, у кого их не было, торопливо поднимали воротники плащей и пальто.

Все спешили как можно скорее покинуть залитый водой негостеприимный перрон и быстрее добраться туда, где их ждал горячий чай и теплый прием.

Сложно сказать, ждал ли чай и прием невысокого мужчину с черным сильно потертым кожаным портфелем в руках, но, судя по его быстрому шагу, он спешил.

А вот затем случилось нечто странное. Выйдя на привокзальную площадь, мужчина не пошел ни на остановку автобуса, ни к частникам, которые наперебой предлагали свои недешевые в этот ночной час услуги приехавшим.

Он быстро свернул в темный переулок и долго простоял у какого-то плуразрушенного барака, наблюдая за площадью.

Создавалось впечатление, что он, то ли следил за кем-то, то ли кого-то ждал.

Но как бы там ни было, минут через тридцать, когда на площади не осталось ни одного пассажира, ни машины, он пятнадцать, мужчина еще раз внимательно осмотрелся и быстро зашагал в темноту только в одном ему известном направлении.

Направление это проходило по начинавшейся от вокзала Красноармейской улице.

В конце улицы начинался небольшой сквер.

Мужчина с портфелем несколько раз оглянулся и вошел в мрачную и залитую водой аллею, сквозь уже полуголые ветки многочисленных деревьев едва пробивался тусклый лунный свет.

Мужчина прошел всего метров пятьдесят, когда из-за одного из деревьев к нему метнулась черная тень и нанесла ему удар тускло блеснувшим в неверном свете луны ножом.

Даже не охнув, мужчина споткнулся и упал на грудь.

Тень выхватила из его рук портфель, и в следующее мгновение к нему присоединилась еще одна такая же темная тень.

Ею оказался молодой парень лет тридцати в каком-то подобии бушлата.

– Давай! – хрипло произнес он своему поделельнику, плотному нозкорослому мужчине лет сорока пяти с кривым шрамом на левой щеке.

– Сейчас! – кивнул тот.

Парень со шрамом открыл портфель и запустил в него руку. Когда он вытащил ее из портфеля, в ней в неверном свете луны тускло блеснули золотые ювелирные изделия.

– Порядок! – усмехнулся он. – Теперь Зяма раскошелится!

– Что с ним? – кивнул парень на неподвижно лежавшего на земле мужчину. – Добить?

– Зачем? – усмехнулся тот. – После моего удара не добивают!

Парень наклонился ниже и увидел огромную лужу черной крови, которая обильно текла из раны в спине.

– Ну, и силен ты, Баркас! – в неподдельном восхищении покачал он головой.

– Ладно, Козырь, – отмахнулся тот, кого назвали Баркасом, – потом хвалиться будем! Давай с ним кончать!

Однако вместо того, чтобы поднять бесжизненное тело, бандиты поволкли его по земле, оставляя за ним широкий кровавый след.

Создавалось такое впечатление, словно они специально хотели оставить этот след.

Дотащив тело к начинавшемуся метрах в тридцати от аллеи большому и глубокому пруду, они взяли его за руки и за ноги и, несколько раз тяжело качнув, бросили в воду.

Через несколько секунд человек, совсем еще недавно мечтавший о горячем чае, лежал на трехметровой глубине, и только какая-то полусонная рыба отметила его появление в пруду тем, что несколько раз ткнула его мягкими губами в лицо.

– Перо! – взглянул на Баркаса Козырь.

Тот достал из кармана окровавленную финку и бросил ее недалеко от берега. Потом снял перчатки и сунул их в карман.

– Ну что, – спросил он, – теперь можно и водки выпить!

– Подожди! – взглянул тот на часы. – Через два часа сядем в поезд и будем пить до самой Одессы!

Но выпить бандитам в ту так удачно начавшуюся для них ночь, им так и не пришлось.

Не успели они пройти и сорока метров, как сзади раздался негромкий, но очень властный голос:

– Стоять!

Больше удивленные, нежели испуганные, бандиты быстро повернулись на голос и увидели рослого мужчину в широкополой шляпе с пистолетом в руке.

– Ты кто такой? – прохрипел Баркас.

– Сейчас представлюсь! – насмешливо ответил мужчина, внимательно смотревший на подельников.

Следил он за ними не зря, и в тот самый момент, когда Козырь попытался ударить его спрятанным в рукаве ножом, он ушел в сторону и, сделав шаг навстречу, молниеносным движением ударил его рукой по основанию шеи.

Козырь дернулся, на какое-то мгновение застыл и тяжело упал на мокрую землю.

– Поставь портфель на землю и отходи на десять метров! – приказал мужчина готовому кинуться на него Баркасу. – И не советую шутить, положу на месте!

Баркас нехотя бросил портфель и отступил на указанное ему расстояние.

Он повидал виды и прекрасно понимал, что так легко уложившему Козыря мужчине бессмысленно грозить теми страшными карами, которые обрушит на него некоронованный король уголовного мира Ростова Миша Черкасский.

В это мгновение луна вышла из-за туч, и Баркас смог рассмотреть лицо нападавшего.

Он не был физиономистом, но сразу же понял, что их противник не из блатных.

Холеное породистое лицо и холодный взгляд серо-голубых глаз.

Баркас по опыту знал, что бояться надо именно такого, ничего не выражавшего взгляда. Тех, кто кричал, брызгал слюной и грозил, он ни когда не боялся.

Поскольку хорошо знал, что и крики, и слюна, и угрозы есть признак слабости и неуверенности.

А вот таких, как этот напавший на них человек, он опасался всегда.

И уважал. Как уважает один хищный звень другого.

К тому же в глубине души он понимал, что ничего экстраординарного не произошло, и один бандит ограбил других.

Но и просто так смолчать он не мог.

– Маза за тобой, – произнес он, – но знай, что за это рыжье, – кивнул он на портфель, – придется ответить...

– Спасибо, что предупредил, – усмехнулся мужчина.

Он поднял портфель и сделал два шага по направлению к Баркасу.

Когда он оказался совсем рядом, Баркас поувствовал запах дорогого одеколона.

Он не видел, как мужчина взмахнул рукой и даже не почувствовал, как вместе с этим взмахом на него навалилась огромная и очень тяжелая плита.

Алексей Анненков взглянул на распростертого у его ног человека и пожал плечами.

– Извини, Баркас, ничего личного...

Он быстро обыскал убитого и обнаружил в кармане два билета на поезд до Одессы.

Затем в тусклом свете луны он быстро нашел брошенный Баркасом нож и аккуратно завернул его в носовой платок.

Для него уже было совершенно ясно, что в этом ночном саду разыгрался один из актов поставленного пока неизвестным ему режиссером кровавого спектакля под названием «Сокровища Дугина».

Иначе вряд ли бы бандиты прятали тело так, чтобы его как можно быстрее нашли и не бросали бы нож, которым было совершенно убийство...

Только через неделю Анненков пришел по тому самому адресу, по которому так и не добрался курьер Цыгана.

А все дело было в том, что они решили продать часть причитающейся «общаку» доли.

В Москве сбывать краденное было опасно, и, по совету Цыгана, имевшего хорошие связи со скупщиком золота в Ростове, было решено отвезти золото туда.

В поездку отправились вдвоем: сам Анненков и один из приближенных к Цыгану людей – Михаил Кутергин – в кругу блатных известный как Сват.

Но когда они вошли в тот злополучный парк, внимание Алексея отвлек какой-то одинокий мужчина, все время смотревший в их сторону.

Алексей задержался и, убедившись, что это какой-то пняый, поспешил к ушедшему вперед Свату.

Но когда он догнал его, тот был уже убит, и Алексею не оставалось ничего другого, как только рассчитаться с обидчиками.

Конечно, он прекрасно понимал, откуда дул ветер, но догадываться было мало, надо было еще и доказать.

Филипп Васильевич Симаков, как звали золотого дел мастера, был весьма уважаемым в Ростове ювелиром. Но о второй и тайной стороне его деятельности знали немногие. А все дело было в том, что он давно уже являлся крупным скупщиком золота и драгоценных камней.

Завидев появившегося в салоне Анненкова, он сразу же понял, с кем имеет дело. И он даже не сомневался, что бывший офицер, как он окрестил Алексея, пришел продать что-нибудь из старых запасов.

Если он чему и удивился, так это только тому, что этот человек так долго тянул с продажей.

Как правило, все бывшие избавились от только отягочивавшего их участие в Советской России золотых и серебряных оков капитализма и камней еще в гражданскую войну.

– Что желаете? – широко улыбнулся он, давая понять, что хорошо знает, с кем имеет дело.

– Я желаю, – ответил Анненков, – предложить вам монету...

Все оживление сбежало с лица Симакова, и он с некоторым разочарованием развел руками.

– Тогда вы не по адресу! Я монетами не интересуюсь!

– А вы все-таки посмотрите! – попросил Анненков. – Может быть, кого-нибудь и посоветуете! Вещь стоящая!

– Ну ладно, – надевая очки, согласился ювелир. – Давайте!

Едва он посмотрел на монету, как улыбка сбежала с его лица.

Это был условный знак от самого Хрома, с которым он был связан уже много лет и который сейчас отбывал срок.

– Ну, что же, – совсем другим тоном произнес он, возвращая монету Анненкову, – это другое дело!

Он подошел к двери магазина и повесил на нее табличку «Обед», потом закрыл дверь на ключ и пригласил Алексея в свой кабинет.

Алексей с интересом осмотрел его убранство.

Здесь было все: золото, иконы, изделия из серебра. Но куда больше его поразили висевшие на стенах кабинета картины.

– Подлинники, конечно! – улыбнулся Симаков, заметив вопросительный взгляд гостя. – Репин, Айвазовский, Врубель и Серов. Да, сейчас они ни кому не нужны, а вы представляете, сколько они будут стоять лет так через сорок?

– У меня, – улыбнулся Анненков, – несколько иные представления о ценности картин.

– Я понимаю, – кивнул Симаков, – искусство бесценно и все такое! Ладно, оставим это! Вы, насколько я понимаю, пришли не для того, чтобы любоваться Серовым и поговорить об Айвазовском?

– Вы правильно понимаете, Филипп Васильевич, – улыбнулся Анненков и, открыв саквояж, выложил на стол несколько длинных ящичков.

Симаков открыл первый ящик и достал лежавшее в нем ожерелье, заигравшее в попадавших через окно лучах солнца каким-то волшебным светом.

Такой же свет Анненков заметил и в глазах самого Симакова, не признавшего ни единого слова. Однако по его загоревшемуся взгляду и было видно, насколько его поразили принесенные вещи.

Осмотрев последнюю, он бережно уложил ее в ящичек, и взглянул на Анненкова.

– Так как, Филипп Васильевич? – улыбнулся тот. – Искусство бесценно?

– О, да! – закивал тот головой. – Бесценно!

– А если все-таки оценить? – продолжал улыбаться Алексей.

– Оценить можно, – ответил Симаков, – только для этого мне понадобится время...

– Тогда до завтра?

– Приходите в это же время...

Закрыв за посетителем дверь, на которой теперь красовалась табличка «Учет», Симаков поспешил в кабинет и высыпал содержимое первого ящичка на стол.

Потом достал лупу и необходимые для исследования приборы.

Закончил он свое исследование поздно вечером, забыв и об обеде и об ужине.

Отложив последний браслет в стиле рококо, он встал из-за стола и потянулся.

Что там говорить, утомила работа!

Ювелир достал из буфета работы восемнадцатого века бутылку коньяка и налил серебряную рюмку, из которой когда-то вкушал горячительные напитки сам князь Потемкин.

Пригубив коньяк, он не выдержал и снова взял в руки старинное ожерелье с игравшими на нем темной кровью рубинами.

Он даже не сомневался, что все это богатство надо брать.

Было только одно «но». У него не было столько наличных денег.

По давно заведенным правилам он платил треть от стоимости ворованного золота и камней.

И это был первый случай за всю его богатую практику, когда он мог расплатиться сразу.

Впрочем, подобные мелочи не пугали его.

У него было достаточно состоятельных приятелей, и, рассчитывая на приобретенные им сокровища, он мог себе позволить брать займы под большие проценты.

Ровно в половине второго Анненков пришел в магазин. Симаков был один.

Проводив гостя в кабинет, он сразу же перешел к делу.

– Я готов приобрести все... – сказал он, назвав весьма крупную сумму.

– Я согласен, – ответил Анненков.

– В таком случае...

Симаков достал из-под стола небольшой саквояж и поставил его на стол.

– Считать будете?

Алексей открыл саквояж, доверху набитый денежными купюрами и взглянул на ювелира.

– Зачем? – усмехнулся Алкесей.

Он закрыл саквояж и спросил:

– А скажите мне, Филипп Васильевич, говорит ли вам о чем-нибудь имя Зямы из Одессы?

При этом имени Симаков внимательно посмотрел на Анненкова.

Он ожидал услышать все что угодно, но не имя своего заклятого врага.

За годы совместного сотрудничества он подставил его дважды и оба раза умудрился выдти сухим из воды.

– Это Зиновий Зингер, – ответил Симаков.

– А поподробнее? – улыбнулся Анненков.

– Это человек насколько жадный, насколько и подлый, – ответил ювелир. – В наших кругах с ним давно уже никто не имеет дела. Говоря откровенно, от него давно бы избавились, если бы за ним не стоял один из королей криминального мира Одессы Миша Привоз. Если хотите мой совет, то дел я вам с ним иметь не советую...

Конечно, Симакову очень хотелось узнать, зачем Зяма понадобился столичному гостю, но спрашивать не стал. Хорошо знал: себе дороже.

– Ну что же, – протянул руку Алексей, – спасибо вам и разрешите откланяться!

Симаков разрешил и проводил симпатичного ему гостя до дверей салона.

– Всегда к вашим услугам! – сказал он прощанье.

Алексей улбынулся.

В чем-в чем, а в этом он не сомневался. Он кивнул и быстро зашагал в сторону вокзала.

Глава IV

Прав, ох как прав был Филипп Васильевич Симаков, назвав Зяму Зингера подлым и жадным.

Таковым он был всегда, и именно Зингер был одним из главарей действовавшего в 1926 году в Одессе мощного подпольного синдиката, который изготавливал так называемое дутое золото.

В подпольных цехах классные специалисты делали из серебра и меди фальшивые ювелирные изделия на сотни тысяч золотых червонцев и килограммами сбывали в городе.

Дутое золото, которое визуальным образом невозможно было отличить от настоящего, можно было приобрести в Одессе повсюду.

Ведь махинаторы ставили на свои изделия настоящие пробирные клейма высокой пробы.

Более того, они умудрялись сделать так, что трехграммовое кольцо смотрелось на все десять.

Солидности такой подделке придавал именно раздутый внешний вид.

Пробирные клейма были так ловко исполнены, что качественную подделку мог определить только настоящий специалист.

Там было очень мало золота и много меди и серебра.

Нэпманы это знали, но все же многие из них клевали на это подделанное рыжее и покупали его.

Среди одесских аферистов был распространен еще один вид криминального промысла – подделка различных античных и средневековых артефактов – золотых монет, украшений, ваз и других вещей.

И на это были свои причины.

Ранее, в античную эпоху, в этом регионе был город, который являлся древнегреческой колонией.

В XIX веке начались активные раскопки остатков этого города.

Интересно то, что не только археологи, но и жители Одессы уже тогда занимались черной археологией, а попросту говоря, искали старинные вещи и клады.

Когда этот источник иссяк, то аферисты решили продолжить свою деятельность.

Они начали активно подделывать античные артефакты и продавать их новой буржуазии и помещикам.

Ловкие махинаторы подделывали и самые употребляемые товары: от парфюмерии, спиртного, табачных изделий, женских платьев, мужских костюмов до произведений искусства, ценных бумаг, облигаций и любой иностранной валюты.

Во время новой экономической политики по черным рынкам Одессы гуляли поддельные золотые царские червонцы, фальшивые франки, нарисованные на Молдаванке доллары и фунты стерлингов.

Поставщиками таких подделок были сотни одесских синдикатов, артелей и товариществ.

Отдельные, более профессиональные конторы, занимались изготовлением фальшивых ювелирных украшений.

Была такая контора и у Зямы.

Конечно, после нэпа стало труднее, и основным направлением в криминальной деятельности Зямы стала скупка ворованного золота и драгоценных камней.

И если все остальные скупщики золота и камней давали вору до тридцати процентов, то Зяма ограничивался двадцатью.

Но к нему все равно шли.

Пришел к нему и некто Сергей Петрович Назан. Пришел издалека, из затерянного в Сибири города Минусинска Кемеровской области.

А все дело было в том, что этот самый Сергей Петрович, известный в криминальных кругах под кличкой Волк, привез в Одессу из дальних краев три золотых самородка, общим весом в три с половиной килограмма и пятнадцать килограммов шлиха.

Почему он пришел к скупщику, который давал меньше всех?

Да только потому, что уже имел дело с ним, а золото было похищено с Бодайбинского прииска Иркутской области, где отбывали срок его подельники.

В свое время Зяма кинул одного из его пребывавших сейчас в неволе подельников, и теперь у Волка был разработан целый план сначала по продаже золота, а потом и по его изъятию.

Зяма проверил золото, взвесил и назвал сумму.

– Согласен? – взглянул он на Волка.

– Да! – кивнул тот.

– Подожди меня! – сказал Зяма и исчез в кабинете, где у него имелся потаенный сейф, вделанный в стенку.

Через пять минут он вышел и протянул гостю плотный конверт. Тот пересчитал деньги и вопросительно взглянул на скупщика.

– Что-нибудь еще? – изогнул тот уже порядком поредевшую бровь.

– Шлих возьмешь?

– Сколько?

– Пятнадцать...

– А чего сразу не принес?

Волк не ответил и только насмешливо наклонил голову. Нашел, мол, дурака! А если появятся?

– Ладно, – кивнул Зяма, – давай через полтора часа...

– А чего тянуть? – удивился Волк. – Через пятнадцать минут могу доставить в лучшем виде!

– Если в долг поверишь, – усмехнулся Зяма, – то неси!

Волк понимающе покачал головой.

Сумма за пятнадцать килограммов шлиха была солидной и, как правило, о таких сделках предупреждали заранее.

– Договорились! – сказал он и взглянул на роскошные часы в углу зала. – Ровно в девять я у тебя...

Алексей Анненков подошел к ювелирному магазину Зямы в половине восьмого вечера, за полчаса до закрытия магазина.

К своему удивлению, он увидел на двери табличку со словом «Перерыв».

Он перешел на другую сторону улицы и стал наблюдать за магазином.

Минут через пять из него вышел мужчина лет сорока пяти в хорошо сшитом коричневом костюме и такой же шляпе.

Но никакой шикарный прикид не мог обмануть Анненкова, и он мгновенно определил, что посетитель ювелирного магазина из блатных.

Но не удивился.

Да и чему?

Тому, что к скупщику краденного ходили уголовники?

Было бы удивительно, если бы это было наоборот.

Удивило Анненкова другое.

Мужчина перешел на его сторону и уселся на скамейке в небольшом садике.

Из кустов мгновенно появился второй, тоже из уголовников, и уселся на скамью.

Мужчина в костюме принялся что-то объяснять ему. Когда он закончил говорить, тот коротко кивнул.

Затем стали происходить еще более странные вещи.

Минут через десять из магазина вышел сам Зяма. Оглядевшись, он медленно пошел по улице.

Один из сидевших встал и направился за ним.

Еще через пару минут за ними двинулся и мужчина в коричневом костюме.

Анненков не сомневался, что за Зямой следили не случайно, и осторожно двинулся за этой не самой веселой кампанией.

Конечно, он не мог знать того, что Зяма идет на квартиру, о которой, кроме него, никто не знал, за деньгами, чтобы расплатиться за шлих.

Нес с собой он и купленные только что слитки, которые опасался держать в сейфе ювелирного магазина.

Конечно, покровительство Миши Привоза дорогого стоило, но его магазин уже несколько раз пытались ограбить залетные, и все самое ценное Зяма хранил на специально приобретенной для этого даче, о которой не знала даже его жена.

Не мог знать Алексей и того, что Волк намеревался покончить с ним еще в магазине, но, узнав, что у Зямы нет денег, решил проследить за ним и разобраться с ним уже на месте.

Минут десять они шли по Пантелеймоновкой улице, затем свернули на Канатную и через парк имени Шевченко вышли к небольшому поселку на берегу моря.

Здесь и находилась та самая дача, в которой Зяма хранил свои нажитые несправедливым трудом сокровища.

Подойдя к даче, Зяма несколько минут простоял в растущих рядом с ней густых кустах кавказии, внимательно оглядывая местность.

Не заметив ничего подозрительного, он быстро направился к дому и вошел в него.

Еще через пять минут к дому подкрались следившие за ним уголовники.

Они осторожно подошли к двери, и один из них достал из кармана освятку отмычек.

Несколько поворотов замка, дверь открылась, и бандиты вошли в дом.

Анненков быстро подошел к дому и осторожно взглянул в окно.

В комнате шла драка, и, судя по тому, что один из бандитов держал в руке финку, жить Зяме оставались считанные секунды.

Анненков толкнул незапертую дверь и вбежал в комнату, и в этот самый момент бандит ударил Зяму финкой в живот.

Тот ахнул и грузно упал на пол.

Заметив Анненкова, другой бандит бросился на него.

Анненков ударил его ногой в живот, и тот без сознания рухнул на пол.

– Ну, сука! – прорычал зарезавший Зяму парень и двинулся на Анненкова.

Тот внимательно следил за его весьма, надо заметить, профессиональными движениями.

Анненков предпочел бы стремительную атаку, когда человек в гневе не помнит себя и ослеплен только одним желанием: убить.

Его противник не спешил.

Конечно, Алексей мог достать пистолет и пристрелить его, но выстрел привлек бы внимание соседей, и ему пришлось бы немедленно уходить.

Анненков очень надеялся на то, что ему еще удастся побеседовать с истекавшим на полу кровью Зямой, ради чего он и приехал в Одессу.

Тем временем бандит сделал несколько выпадов, настолько быстрых, что Анненкову не удалось поймать его на прием.

И все-таки он перехитрил его.

Когда тот после очередного недостигнутого цели удара отскочил назад, Анненков сделал мощный прыжок и сильно ударил бандита носком ботинка под подбородок.

Даже не охнув, тот растунылся на полу.

Убедившись, что второй бандит все еще не пришел в себя, Анненков кинулся к Зяме.

Одного взгляда на его даже не столько бледное, сколько уже посиневшее лицо с запавшими глазами было достаточно чтобы понять: ему недолго осталось гостить на этой земле.

– Я Баркас, – наклонившись к ювелиру, громко произнес Анненков.

Зяма слабо киннул головой.

– Я ждал тебя, – прошептал он из последних сил. – Передай Валету, что... Волк... он знает...

С этими словами Зяма в последний раз в жизни дергнулся и затих.

Анненков огляделся.

Оба бандита пребывали без сознания.

Недалеко от Волка лежал кожаный портфель. Анненков открыл его и увидел три золотых слитка и пачки денег.

В другой комнате он обнаружил открытый сейф, в котором лежало множество ювелирных изделий.

Анненков сложил их в сумку и, прихватив Зямин портфель, быстро покинул дачу.

Глава V

В начале апреля 1941 года на вилле в пригороде Парижа одного из учредителей газеты «Возрождение», председателя Казачьего союза, генерал-майора Ивана Григорьевича Акулинина встретились начальник Управления по делам русским эмигрантов в Германии Василий Викторович Бискупский начальник Объединения Русских Воинских Союзов в Германии генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе.

На следующий день они должны были встретиться с Местоблюстителем Русского Престола великим князем Владимиром Кирилловичем.

Это были личности, весьма примечательная во многих отношениях.

Василий Викторович Бискупский окончил Николаевское кавалерийское училище с занесением на мраморную доску и был выпущен в лейб-гвардии конный полк, где дослужился до чина поручика.

В 1904 году он добровольно перевелся во 2-й Дагестанский полк в чине подьесаула, чтобы принять участие в русско-японской войне.

В боях был тяжело ранен.

В 1905 году с личного разрешения Николая II Бискупский вступил в тайный брак с известной исполнительницей русских романсов певицей Анастасией Дмитриевной Вяльцевой.

Поклонники называли ее певицей радостей жизни, потому что Вяльцева, в отличие от Варвары Паниной, не пела романсы, в которых были слезы, страдания, разочарования и смерть.

Осенью 1912 года Вяльцева заболела воспалением легких и, больная, отправилась на гастроли.

На концерте в Курске она упала в обморок.

Ей порекомендовали отменить гастроли, но она дала еще с десятков концертов, после чего вообще не смогла выйти на сцену.

Страстный роман закончился трагически.

Вяльцева заболела раком крови, и любящий муж согласился на прямое переливание крови.

Но было поздно и 5 февраля 1913 года Анастасии Дмитриевны не стало.

Вся Россия оплакивала королеву русского романса, а на ее похороны в Санкт-Петербурге вышло 150 000 почитателей ее таланта.

Тяжело переживая утрату, Бискупский, в том же году вышел в отставку в чине полковника и занялся коммерцией.

«Он, – писал о нем генерал Врангель, – женился на известной исполнительнице романсов Вяльцевой, и долго сумел скрывать этот брак, оставаясь в полку.

Такое фальшивое положение все же продолжаться не могло, и за два года до войны Бискупский полковником ушёл в отставку.

Он бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними.

Овдовев, он поступил в Иркутский гусарский полк и, быстро двигаясь по службе, в конце войны командовал уже дивизией».

В 1913 году по Высочайшему Повелению Бискупский был восстановлен на службе и зачислен старшим штаб-офицером в 16-й Иркутский Гусарский полк, в составе которого с началом Первой Мировой войны выступил на фронт.

В декабре 1914 года он был назначен командиром 1-го лейб-драгунского Московского полка, в июне 1916 г. произведен в генерал-майоры.

В январе 1917 года Бискупский был назначен командиром 1-й бригады 3-й Кавалерийской дивизии, а в марте командиром 3-й Кавалерийской дивизии.

Генерал-майор Бискупский был неоднократно ранен, награжден всеми боевыми орденами, полагающимися по чину, включая Георгиевское оружие.

Революцию Виктор Васильевич принял восторженно.

«Поставившим на революцию», – вспоминал П.Н. Врангель, – оказался и бывший мой однополчанин, а в это время начальник 1-й кавалерийской дивизии, генерал Бискупский.

Лихой и способный офицер, весьма неглупый и с огромным честолюбием, непреодолимым желанием быть всегда и всюду первым, Бискупский был долгое время в полку коноводом, пользуясь среди товарищей большим влиянием.

В Петербурге он стал делегатом Совета солдатских депутатов от одной из армий. Он постоянно выступал с речами, по уполномочию совета, совместно с несколькими солдатами, ездил для переговоров с революционным кронштадтским гарнизоном и мечтал быть выбранным председателем военной секции совета.

Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло. Выбранным оказался какой-то фельдшер, и Бискупский вскоре уехал из Петербурга».

В апреле 1918 года Бискупский был назначен Командующим войсками гетмана П. П. Скоропадского, в июле того же года стал командиром 1-й конной дивизии, дислоцированной в районе Одессы.

В 1919 году он эмигрировал в Германию, где стал главой прогерманского «Западно-русского правительства».

В то время он активно поддерживал претензии Великого Князя Кирилла Владимировича на российский престол.

В марте 1920 года Бискупский принял участие в неудавшемся путче Каппа.

Вместе с генералом Людендорфом он пытался создать «Контрреволюционную армию» для восстановления монархий в Центральной Европе и России.

Активно участвовал в деятельности организации «Возрождение», созданной прибалтийским немцем Максом Эрвином фон Шойбнер-Рихтером в качестве связующего звена между правым крылом белой эмиграции и НСДАП. Был руководителем организации до 9 ноября 1923 года.

Бискупский жил в собственной квартире в центре Мюнхена и исполнял функции представителя Великого Князя Кирилла Владимировича в Германии.

Если верить легенде, то именно у него после провала «пивного путча» скрывался Адольф Гитлер.

С 1936 года Бискупский был директором «Русского национального управления» в Германии и доверенным лицом министерства внутренних дел Германии.

В это же время он умудрился получить от японского правительства большую сумму денег за принадлежавшие ему земли на Сахалине.

В 1936 году Бискупского арестовали.

Несколько месяцев он пытался освободиться через свои немецкие связи, но всё оказалось тщетно.

Только заступничество Императора Кирилла Владимировича, направившего письмо канцлеру А. Гитлеру с просьбой разобраться в деле Бискупского, помогло генералу обрести долгожданную свободу.

Не забыв оказанной ему услуги, Гитлер не только освободил Бискупского, но и назначил его руководителем «Бюро русских эмигрантов» в Шарлоттенбурге, находившимся под наблюдением гестапо.

В мае 1936 года Бискупский стал начальником Управления делами российской эмиграции в Берлине.

Он много общался с официальными представителями рейха, в частности, с экспертами по русскому вопросу Георгом Лейббрандтом и Арно Шикеданцем.

Но именно тогда в официальных немецких документах того времени появились сведения о том, что Бискупский сотрудничал с советской разведкой.

Так оно и было на самом деле.

В.В. Бискупский был связан с советской разведкой, и связь с ним поддерживали сотрудники резидентуры по работе с белой эмиграцией.

Одновременно Бискупский пребывал и под негласным агентурным «колпаком» советской разведки, поскольку за ним следил бывший полковник лейбгвардии Измайловского полка, ставший в эмиграции правой рукой представителя великого князя Кирилла Владимировича в Германии агент советской разведки Александр Дмитриевич Хомутов, ставший одной из его главных связей.

Иначе не могло и быть.

Советская разведка, укравшая генералов Кутепова и Миллера, просто не могла пройти мимо столь одиозной личной, какой являлся Бискупский.

И даже при всем своем желании, а такое желание было, отказаться от сотрудничества Бискупский не посмел. Его просто бы убили.

Другое дело, что его кураторы в Москве даже не подозревали, что ставший агентом поневоле Бискупский ненавидел и советскую власть, и их самих точно так же, как он ненавидел их всегда.

Благо, что он был не один. И тот же Хомутов, чья судьба сложилась не менее трагически, был солидарен с ним.

Летом 1915 Хомутов командовал ротой в 1-м батальоне. Капитан.

В начале сентября 1916 ранен в бою и получил за этот бой Георгиевское оружие.

Он провоевал до октября 1917 года, получил звание полковника и прозвище «Джонконда».

После февральской революции он вместе с генералом Разгильдеевым занимался формированием в Петрограде контрреволюционных групп офицеров-измайловцев.

После ктябрьского переворота Хомутов активно занялся отправкой офицеров на Дон. В марте 1918 года полковник был арестован чекистами, и вот тогда-то он начал свой весьма затунвшийся роман с ними.

Выбор у него был куда как прост: либо сотрудничество, либо стенка.

Хомутов выбрал сотрудничество и летом 1918 оказался на Украине, откуда уехал в Германию.

Да, он работал на советскую разведку, но, как и в случае с Бискупским, это была работа не за совесть, а за страх. А совесть свою и Хомутов, и Бискупский успокаивали тем, что они не только наносят Белому движению минимальный вред, но и спасают его от полного разгрома.

И они были по-своему правы, поскольку никто не мог сказать, как бы пошли дела, окажись на их месте другие люди.

Известную роль Бискупский сыграл и в деле Тухачевского, поскольку именно он устроил встречу маршала в Берлине с представителями Российского общевоинского союза.

Вполне возможно, что именно так Тухачевский намеревался установить контакты с германским политическим и военным руководством.

И маршалу даже не могло придти в голову, что устроитель этой встречи агент советской разведки.

Ведь Бискупский на самом деле был близок с верхушкой руководства нацистской партии еще с первых лет ее существования.

Он дружил с А. Розенбергом и пользовался покровительством самого Гитлера.

Однако во всех подробностях сообщил советским органам госбезопасности о встречах с Тухачевским в Лондоне генерал Н. Скоблин.

Именно он был одним из наиболее ценных агентов советской внешней разведки в кругах русской эмиграции под псевдонимом «Фермер».

Перед парижской встречей Тухачевский побывал на устроенном в его честь начальником Генерального штаба Франции генералом М. Гамеленом приеме.

На нем присутствовал начальник французской контрразведки полковник Робьен, сидевший вместе с Тухачевским в одном лагере Ингольштадт в германском плену.

Робьен вспоминал, что в разговоре между ним и Тухачевским «было упомянуто и имя генерала Скоблина в связи с его контактами с германской разведкой». Судя по тексту воспоминаний Робьена, инициатива разговора о Скоблине принадлежала Тухачевскому.

Общение Тухачевского с Бискупским привело к неожиданному повороту.

Весной 1936 года на контакт с представителем советской разведки напросился один из наиболее оппозиционно настроенных и влиятельных политических деятелей Германии – лидер Народной национальной партии Райнгольд Вулле.

Во время встречи с резидентом советской разведки в Вене он обратился с просьбой об оказании помощи со стороны Советского Союза представляемым им антигитлеровски настроенным силам Германии в целях свержения Гитлера. Для чего попросил оказать ему финансовую помощь в размере 750 тысяч марок.

Под стать Бискупскому был и генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе.

Мировую войну он закончил генерал-квартирмейстером штаба VIII-й армии.

Во время войны был награжден Георгиевским оружием, боевыми орденами.

Ему трижды было объявлено Высочайшее благоволение.

С 1918 года Лампе воевал в составе Добровольческой армии.

С 1920 года полковник фон Лампе занимал военно-дипломатические должности в Константинополе и в Дании.

В 1921 году был произведен в генерал-майоры и назначен Военным представителем Главного Командования в Германии.

В 1924 году Главнокомандующий Русской Армии генерал-лейтенант барон Петр Врангель создал Русский Обще-Воинский союз.

Союз объединял военные организации и союзы Белой эмиграции во всех странах.

Первоначально штаб РОВС находился в Белграде, а его отделы и отделения в странах Европы, Южной Америки, США и Китае.

В распоряжении РОВС находился также «Фонд спасения России», из средств которого финансировалась его деятельность.

Добровольцы из союза вели подпольную работу в СССР, сражались против коммунизма в Испании.

В двадцатых и тридцатых года деятельность РОВС оказалась настолько эффективной, что советские спецслужбы рассматривали эту организацию в качестве своего главного противника.

Они прилагали огромные усилия для борьбы с нею, не останавливаясь перед организацией похищений и убийств её руководителей на территориях иностранных государств.

Осенью 1939 года генерал Москардо принял в королевском дворце Мадрида русских добровольцев, сражавшихся против красных в рядах Испанской национальной армии.

Тогда же они были представлены генералиссимусу Ф. Франко в его резиденции.

В связи с началом военных действий СССР против Финляндии, Начальник РОВСа генерал Архангельский обратился к фельдмаршалу Маннергейму с предложением участия рус-

ских добровольцев в вооружённой борьбе против Красной Армии на советско-финляндском фронте.

В результате капитуляции и оккупации Югославии в конце апреля 1941 года германские власти запретили деятельность РОВСа на территории Югославии.

Перед Второй мировой войной РОВС был самой массовой организацией русской эмиграции.

Свою работу в союзе фон Лампе начал в 1924 году, когда был назначен Начальником его 2-го Отдела, занимавшимся Германией, Австрией, Венгрией и Балтийскими странами.

В начале 1928 года назревал серьёзный конфликт в руководстве РОВС.

Против демонстративного бездействия Врангеля начал открыто выступать А.П. Кутепов и его сторонники.

Они обвиняли Врангеля и его окружение в пассивности, в том, что они ушли и бросили «дело».

После смерти Врангеля в апреле 1928 года сменивший его на посту председателя РОВС Кутепов прекратил финансирование 2-го отдела.

Вскоре Кутепов был похищен агентами ОГПУ и РОВС возглавил его заместитель генерал Е.К. Миллер.

Миллер предложил фон Лампе взять на себя «дела» Кутепова в России.

Однако тот отказался, мотивируя свой отказ тем, что «террористом никогда не был, конспирацией не занимался и «учиться» этому не хочет».

Предвыборная истерия в Германии и вполне реальная угроза нацистского переворота, не могли оставить равнодушными русских военных эмигрантов.

Крайне правые элементы «легитимистского» толка начали формирование отрядов для помощи немецким нацистам.

РОВС занял позицию нейтралитета, и Миллер запретил «вмешиваться в дела иностранных государств» русским офицерам.

«Национал-социалисты, – писал Лампе Миллеру, – шовинистичны и будут от нас требовать «признательности» за приют или «дружбы» – а то и другое будет означать безоговорочное подчинение».

В 1931-33 годах немецкие власти арестовывали начальника II отдела в среднем раз в три месяца, что побудило его всегда держать в прихожей «дежурный» саквояж с необходимыми вещами.

В 1932 году заболела туберкулёзом его единственная дочь Евгения.

Семья генерала основательно влезла в долги, но средств на лечение девушки по-прежнему не хватало.

Когда ситуация была уже совершенно безнадёжной, супруги фон Лампе решили отправить дочь на лечение в Баварию.

Чтобы отвезти Евгению на вокзал, фон Лампе воспользовался автомобилем датского посла.

В результате Алексей Александрович был арестован немецкой политической полицией.

Ему в очередной раз предъявили обвинения в шпионаже и попытке побега из страны на посольской машине.

Скорее всего, в этот период он дал своё согласие на сотрудничество с гестапо.

Он уже не мог, как многие его бывшие сотрудники, да и большинство военных эмигрантов в тридцатые годы, уйти в личную жизнь от общественных и политических интересов.

И именно тогда отношения фон Лампе с властью резко изменились.

Он был отпущен к дочери, которая умерла осенью 1933 года.

Фон Лампе быстро расплатился с долгами и решил, что белоэмигрантским военным организациям в Германии необходимо сотрудничать с нацистами.

Благодаря своим способностям «лабиринтировать» в окружении Миллера и умению договариваться с германскими властями, фон Лампе до 1938 года стоял во главе II отдела РОВС.

В 1938 году II отдел РОВС в Берлине был преобразован в самостоятельную организацию – Объединение Русских Воинских Союзов (ОРВС).

Во главе Объединения остался генерал-майор фон Лампе.

Конечно, после всего, что произошло с ним, Лампе не питал никаких добрых чувств к немцам, но в то же самое время был твердо уверен в том, что для эмиграции сотрудничество с нацистами – единственный шанс вернуться в Россию победителями большевиков.

И ради этого он был готов терпеть все.

Хотя, конечно, не мог не понимать того, что и этот шанс в известной степени был весьма призрачным.

– Мы, национал-социалисты, – говорил еще в середине двадцатых годов Гитлер, – совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства...

Помнил Лампе и о том, что будущий фюрер уже тогда указывал на историческую роль Германии в установлении государственности «внутри более низкой расы», под которой он подразумевал славян.

Иными словами Гитлер отказывал русским в способности самим осуществлять государственное руководство, считая, что государственные функции среди русского народа поочередно выполняли то немцы, то евреи, но никак не сами русские.

Да что там Гитлер, если сам почитавшийся в СССР Карл Маркс называл славян «историческим навозом» и призывал к полному уничтожению «славянской сволочи».

И Маркс, и Энгельс считали славяне не только варварами, но и «величайшими носителями реакции в Европе, врагами демократии и главными орудиями подавления всех революций».

Не любивший основоположников Бакунин призывал «бороться не на жизнь, а на смерть, пока, наконец, славянство не станет великим, свободным и независимым».

«Если революционный панславизм принимает эти слова всерьез, – ответили те, – и будет отрекаться от революции всюду, где дело коснется фантастической славянской национальности, то и мы будем знать, что нам делать».

Тогда «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию на уничтожение и беспощадный терроризм...

И лишним подтверждением того, что Россию не понять умом, являлось то, что Маркс почитался в этой самой России за Бога-отца.

Именно этот, ставший иконой в СССР человек называл славянские народы «этническим дерьмом», подлежащим полному уничтожению в ходе всемирной революционной войны.

Конечно, он был во многом обязан этому Богу-сыну, Ленину, который не меньше его ненавидел Россию и славян, и, тем не менее, именно его портрет висел там, где раньше у нормальных людей висели иконы.

Как это не казалось странным, но Гитлер выглядел куда более гуманным по отношению к славянам, поскольку планировал лишь их частичное уничтожение.

Во время подготовки плана «Барбаросса» гитлеровские постулаты нашли свое практическое применение.

Первоначальный проект «восточного вопроса» предусматривал создание «буфера» между Германской империей и азиатской частью СССР.

С этой целью на территории европейской части Советского Союза планировалось формирование украинского, белорусского, литовского и латвийского государств.

Они должны были отделять Германию от России, расколовшейся на ряд «крестьянских республик».

Замена коммунистической России националистическим государством не предусматривалась, так как оно впоследствии могло бы стать врагом Германии.

За неимением ничего лучшего фон Лампе в 1938 году возглавил РОВС в Германии.

В то же самое время он принимал активное участие в работе церковного Свято-Князь-Владимирского братства.

Русское православное братство в Германии было основано в 1890 году настоятелем посольской церкви св. Владимира в Берлине протоиереем Алексием Мальцевым.

По своей сути это было благотворительное общество, помогающее оказавшимся в беде российским подданным любой христианской конфессии и православным христианам любой национальности.

В задачи братства входило и сооружение и содержание православных храмов в Германии.

Фон Лампе собрал средства на памятник «Верным сынам великой России» в память погибшим воинам Первой мировой войны и Гражданской войны на братском русском кладбище в Берлине.

И вот теперь эти двое, с позволения сказать, русских генерала собрались на вилле Акулинина, чтобы обсудить стоявшие перед русской эмиграцией задачи в преддверии войны против Советского Союза.

А это было весьма сложным делом.

Российская эмиграция никогда не была однородной.

Наоборот!

Это было сообщество в истинно русском духе: противоречивое, а зачастую и непримиримое.

И теперь, в преддверии скорой войны с Россией, эта непримиримость с каждым днем проявлялась все ярче.

По своей сути это было продолжением споров двадцатых годов о допустимости иностранной интервенции.

Самым же печальным было то, что два лагеря русских людей противостояли во всеоружии друг другу и готовились к борьбе.

Как и всегда у русских, никакой экономики в подоплеке не было, и на первое место выходили идеи.

Патриоты на либеральном керенско-милюковском фланге считали, что главное – сохранить «русскую территорию», а большевизм же рано или поздно сам кончится.

Генерал Деникин предлагал свергать советскую власть и защищать русскую территорию.

При этом он категорически выступал против участия русских эмигрантов во вторжении в Россию.

Правые круги РОВСа считали подобную позицию теоретически верной, но практически неосуществимой.

Они называли это «погоней за двумя зайцами», утверждая, что «тот единственный заяц, за которым ныне следует гнаться – падение большевиков на всей территории России».

И по-своему руководители РОВСа были прав. Ведь именно они провозгласил на Зарубежном съезде в 1926 году: «СССР – не Россия и вообще не национальное государство, а русская территория, завоеванная антирусским Интернационалом».

А коль так, то в борьбе с этой «раковой опухолью» неизбежна хирургическая операция и подготовка к возобновлению гражданской войны.

То, что такую войну можно было вести лишь в союзе с иностранными силами, также было ясно. И когда возник Антикоминтерновский пакт – надежды на освобождение России стали связывать с ним.

«Мировая война, – утверждал редактор «Сигнала» Пятницкий, – создала новый тип людей с железом в руках и крестом в сердце. Именно эти люди вырвут униженную, распятую Россию из рук ее хищных палачей», ибо движет этими людьми Новая вера служения Богу силой, противопоставляемой злу.

Всякое худшее будет хотя и злом, но все же неизмеримо меньшим, чем иудо-сталинизм. Поэтому мы полагаем, что всякая внешняя война кого бы то ни было против СССР – это удар по стенам и проволоке советской каторги».

«Возможная германская оккупация России, – считали ведущие авторы «Сигнала», – есть не что иное, как плата нашего поколения за допущение большевизма.

Придут немецкие врачи, инженеры, архитекторы, агрономы... Что же, такой период Россия уже однажды пережила, сумев переварить своей культурой иностранцев, делая из них таких же русских, как и мы.

Боязнь «расчленения и распада России – от маловерия и даже неверия в Россию.

Съесть Россию и превратить ее в колонию не будет по силам и 80-миллионной Германии. Россия – не Чехия».

«Никакая война не принесет тех опустошений, – писал сотрудник «Сигнала» подпоручик Н.Я. Галай, – что приносит большевизм...

За 3 года мировой войны 1914–1917 годов Россия потеряла до 2 с половиной миллионов убитыми. За 20 лет соввласти – от 35 до 45 миллионов.

С 1054 по 1462 год Россия выдержала около 250 нашествий.

Мы верим в жизненные силы, государственный инстинкт русского народа и его славное историческое призвание и поэтому не боимся никаких международных испытаний. Россия будет великой и сильной. Но путь к этому лежит через гибель коммунизма».

В «Резолюциях Белого съезда», состоявшегося в июле 1938 года в Швейцарии по инициативе И.А. Ильина, по этому вопросу было сказано:

«Советский строй в России вступил в период острого кризиса.

Коммунисты, подобно паукам в банке, приступили к взаимному пожиранию. Безсмыслие коммунизма запутывается в бессмыслии террора.

Этот страх вскоре породит мужество отчаяния и крушение может начаться с недели на неделю.

Тогда русский народ приступит к ликвидации коммунизма и к самоосвобождению. К этому часу мы должны быть готовы.

Он может наступить без внешней войны и не вследствие ее.

Это есть наиболее желательный для России исход, ибо на внешнюю войну слабые соседи не решатся, а сильные соседи, напав на ослабленную страну, непременно попытаются завоевать и расчленить ее.

Отсрочить окончательное крушение коммунизма могла бы только новая мировая война и новые имеющие возникнуть из нее вспышки мирового большевизма.

Итак: национальная Россия заинтересована отнюдь не в «интервенции», но в быстром назревании внутреннего переворота и самостоятельного внутреннего восстания.

А в дальнейшем ее может спасти только национальная диктатура, не опирающаяся ни на какие иностранные штыки».

Рассуждений и слов было много, а вот выбор был один: или воевать на стороне немцев, или нет.

До поры – до времени немцы только наблюдали за всем происходящим в русской эмиграции, а в 1938 году решили привести ее к общему знаменателю.

Это означало роспуск всех политических организаций и создание единого Управления делами русской эмиграции во главе с В.В. Бискупским.

Тогда же германский отдел РОВСа был выведен из подчинения центру и переименован в «Объединение Русских воинских Союзов».

Впрочем, деятели эмиграции не только говорили, но и действовали. Чаще всего на свой страх и риск.

Особенно активную деятельность равзил Национальный союз нового поколения, который поставил своей целью борьбу за свержение коммунистического строя на исторической Родине.

Для подготовки людей и переброски их в СССР были созданы особые школы.

Это стало возможным в 1937 году после того, как председателем польского отдела А. Э. Вюрглером по согласованию с идеологом НТСНП М. Георгиевским была налажена связь с польским Генеральным штабом.

Обе стороны были заинтересованы друг в друге. Члены Союза получали возможность, пройдя курс обучения на разведкурсах, «уйти по зелёной дорожке» в СССР для выполнения своей работы.

Польские же власти при минимальных затратах получали неисчерпаемый источник сведений об обстановке в Советском Союзе.

– 30 марта, – начал беседу Бискупский, – у Гитлера состоялось большое совещание. Я не буду подробно говорить о военных задачах, но отмечу, что особое внимание в выступлениях генералов было уделено проблеме концентрации сил на решающих участках фронта в виду огромной территории. Практически все выступавшие пришли к выводу, что Советы не выдержат массированных ударов танков и авиации...

– А если выдержат? – невесело усмехнулся Лампе.

– Тогда, – в тон ему ответил Бискупский, – мне можно не продолжать!

Лампе ничего не ответил и только вздохнул.

Но по выражению его лица было видно, что он, хорошо знавший, как умеют драться русские солдаты, весьма скептически относится к начертанным на бумаге планам высшего немецкого командования.

– В своем выступлении, – продолжал Бискупский, – Гитлер назвал запланированную войну против СССР «войной мировоззрений», отметив, что сама жестокость в ней есть благо для будущего. Если называть вещи своими именами, то речь идет о войне на уничтожение. Именно поэтому Гитлер предложил ввести военное судопроизводство, которое освобождает немецких военнослужащих от ответственности за действия против вражеских гражданских лиц. При этом так называемый «приказ о комиссарах» и ряд других приказов санкционирует уничтожение партийных и советских работников, комиссаров, евреев, интеллигенции, на которых Гитлер наложил клеймо «неприемлемых с политической точки зрения»...

– С этим нельзя не согласиться, – воспользовался паузой Лампе, – поскольку с комиссарами и евреями мы вряд ли сможем найти общий язык! Но зачем уничтожать население? Ведь таким образом Гитлер рубит тот самый сук, на котором он мог бы весьма удобно сидеть! Одно дело война против коммунистов и Сталина и совсем другое дело война против всего русского народа! Мы должны привлекать к себе население, а не отталкивать его...

– Так оно и будет, – продолжал Бискупский, – именно поэтому специальная директива по вопросам пропаганды предписывает разъяснять населению, что противником Германии являются не народы Советского Союза, а евреи, созданное ими большевистское советское правительство, коммунистическая партия и заливший страну кровью Сталин! Поэтому предписано

пропагандировать, что германская армия лишь стремится избавить людей от гнета большевиков...

– Василий Викторович, – возразил Лампе, – мы с вами не на совещании у фюрера и будем говорить как люди, которые четыре года воевали с нецами! Скажите мне откровенно, вы сами-то верите в то, что Гитлер остановится на том, что победит большевиков? Это все для прессы! Мне хорошо известно о том, что восточная политика предусматривает постепенную замену славянских народов немецкими переселенцами-колонизаторами. А для этого славян предется истребить! Что и будет сделано в случае успешного окончания войны. Только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий на восточном пространстве, а страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельских слуг и промышленных рабочих...

Лампе взял чашку с кофе и, сделав глоток, поморщился.

Кофе остыл, а хуже остывшего кофе, как известно, может быть только холодная женщина.

– Более того, – поставил он на стол чашку, – я очень сомневаюсь в том, что русское население будет приветствовать немцев как освободителей. Вполне возможно, что отдельные лица и встретят их с хлебом и солью, а остальные?

– Все так, Алексей Александрович, – ответил Бискупский. – Но одно дело мечтать и совсем другое дело получить! В четырнадцатом они тоже много чего хотели, а закончили позорным Версальским миром! И я, как и вы, совсем не уверен в том, что русское население будет славить Гитлера, пришедшего освободить его от Сталина! Но что нам-то делать? Собрать пресс-конференцию и объявить о том, что Гитлер хочет сделать на самом деле? Вы прекрасно знаете, что в случае войны три четверти эмиграции выступит с патриотическими призывами. Но если мы скажем правду, мы оттолкнем от себя и оставшуюся четверть!

Лампе задумчиво покачал головой.

Все правильно!

Одно дело мечтать и совсем другое осуществить свои мечты.

Чингизхан, османские султаны, Карл XII, Наполеон, кайзер...

Все они мечтали покончить с Россией, но... где они?

А Россия стоит и, чего себя обманывать, будет стоять!

Конечно, в начале войны ей придется трудно, поскольку воевать с оставшейся без командиров армией сложно. Что и показала финская кампания, сыгравшая решающую роль в разработке плана «Барбаросса».

Но... это Россия, а не какая-то там Франция, которая без боя сдалась на милость победителя.

И ее, как известно, умом не понять...

Зато французов с их сорока тремя дивизиями против тридцати девяти немецких и практически неприступной линией Можино понять было куда как легко!

Лампе хорошо помнил тот день, когда французские войска покидали Париж и многие парижане плакали.

Но ему не было их жалко.

Более того, ему, боевому генералу, было стыдно за всех этих людей, которые выбрали позор и предательство собственной страны.

Генерал не был философом, но он прекрасно понимал, что подобные хитрости могут помочь на определенном этапе, но страна, население которой не готово сражаться за нее, по большому счету обречена.

Ибо сильные всегда будут вытирать об нее ноги.

Все правильно, и, перефразируя библейское выражение, предавший раз, предаст еще...

А Наполеон?

Вся Европа приветствовала завоевание и унижение собственных стран, и только Россия могучим монолитом выступила против завоевателей.

И никакое крепостное право не помогло Бонапарту, едва унесшему ноги в свой любимый Париж!

В глубине души Лампе даже не сомневался в том, что то же самое будет и сейчас.

Да, Сталин лозунг, но драться русские люди, в конечном счете, будут за свою священную землю, которую для них в не менее тяжелых испытаниях остояли Дмитрий Донской и Александр Невский, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов, Ушаков и Нахимов!

Особенно после того, когда они собственными глазами увидят, что предстает собой принесенный из Европы «новый порядок».

А в том, что немцы будут зверствовать на завоеванных землях, Лампе нисколько не сомневался.

Ведь именно на это была направлена вся германская пропаганда последних десятилетий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.